

Сергей Патрушев

Камень и яблоня

Сергей Патрушев

Камень и яблоня

<https://litres.ru/73746542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Альберт — мечник, владеющий магией огня, который вступает в гильдию авантюристов, чтобы доказать себе и миру, что он способен на большее. Вместе с отрядом из четырех человек он сражается с драконами, находит древние артефакты и постепенно понимает, что истинная сила заключается не в магии и не в клинке.

Встреча с рыжей травницей Лирой, которая пятнадцать лет ждала возвращения отца, меняет всё. Их путь — это выбор между бессмертием и любовью, между властью и свободой, между игрой в шахматы, где фигуры считают ходы тысячелетиями, и тихой жизнью в лавке с яблоней у окна. Камень, способный даровать вечность, свиток с тайнами мироздания, шахматная доска, оставленная странным стариком, — всё это становится лишь фоном для главного: умения отпустить прошлое, сделать свой выбор и просто быть рядом с тем, кого любишь.

Это история о том, что настоящая магия — в каждом прожитом мгновении, в цветущем саду и в тишине, где не нужны слова.

Сергей Патрушев

Камень и яблоня

Глава 1. Четвертый в отряде

Гильдия авантюристов «Стальной предел» встретила Альберта привычным гулом. Здесь всегда было шумно: лязгали кружки, кто-то громко спорил о цене за шкуру тролля, а в углу, где вечно коптила масляная лампа, пьяный лучник пытался доказать картографу, что драконов не бывает. Пахло здесь дешевым элем, старой кожей и потом – тем особым, въевшимся в стены запахом людей, которые каждый день рискуют жизнью ради мешка серебра.

Альберт стоял у стойки, машинально проводя пальцами по эфесу своего клинка. Оружие было его второй натурой: узкая, чуть изогнутая сталь, удобная и для рубящего удара, и для быстрого выпада. Ему было двадцать шесть, возраст, когда молодость уже не прощает глупых ошибок, но опыт еще не успел превратить человека в циника. Светлые волосы, собранные в низкий хвост, открывали высокий лоб, на котором сейчас залегла сосредоточенная складка.

– Значит так, – девушка-секретарь с усталыми глазами пробежалась пальцем по пергаменту. – Тебя определили.

Четвертый в отряд к Эйнару.

– К Эйнару? – переспросил Альберт, стараясь, чтобы голос прозвучал равнодушно. Имя было ему знакомо. О «Сте-не Севера», как прозвали Эйнара в гильдии, ходили легенды. Говорили, он может удерживать проход в узкой расщелине против полудюжины гоблинов, не сделав и шага назад.

– Ага. Щит, мастер поддержки, один мечник... и ты. – Секретарша подняла на него взгляд. – Только учти, парень, их прошлый мечник... ну, скажем так, не справился с тем-пом. Эйнар не любит, когда кто-то выпадает. Если будешь тянуть ляжку, он сам тебя турнет, и тогда в гильдии на тебя косо посмотрят.

Альберт молча кивнул. Он не был похож на человека, ко-торого легко сломать. За плечами у него было три года на-емничьих стычек, полгода в охране караванов через Лисий лес и долгие, выматывающие ночи, когда он учился соеди-нять два своих дара. Меч он знал с детства – отец учил фех-тованию жестко, без поблажек, заставляя водить клинком до кровавых мозолей. А магия... магия огня проснулась в нем позже, обжигая изнутри и пугая своей необузданной силой. Теперь, после сотен часов медитаций и десятков сожженных дровяных сараев за городом, он научился сдерживать пла-мя, превратив его в продолжение своего клинка. Но здесь, в

гильдии, об этом знали немногие. Для большинства он был просто мечником с хорошей стойкой.

– Комната для сборов, третья дверь направо, – бросила секретарша, теряя к нему интерес.

Альберт толкнул тяжелую дубовую дверь и на мгновение замер на пороге.

В комнате было трое.

Тот, кто сидел ближе всех, сразу приковал к себе внимание. Эйнар. Огромный мужчина, чьи плечи, казалось, не помещались в дверной проем, хотя сейчас он сидел на лавке, неспешно натирая воском свой башенный щит. Щит был чудовищный – выше колена Альберта, со следами глубоких царапин и въевшейся в металл кровью. Сам Эйнар выглядел как кусок скалы, которому по какой-то случайности придали человеческую форму: грубое, обветренное лицо, короткий ежик седых волос, тяжелая челюсть. Он даже не поднял головы, когда вошел новичок, продолжая методично втирать воск круговыми движениями. Каждое его движение дышало спокойной, несокрушимой силой. Это был Мастер Щита, стена, на которую можно было положиться или, если не повезет, разбиться.

В углу, завернувшись в длинный плащ с капюшоном, сидел второй. Лица его почти не было видно, только острый подбородок и тонкие губы, которые постоянно шевелились, словно беззвучно проговаривая заклинания. На поясе у него висело несколько кожаных мешочков с травами и странными амулетами. Это был Мастер Поддержки. Его называли Лиэн. В гильдии ходили слухи, что он способен остановить кровь одним прикосновением и наложить такое ментальное плетение, что враг перестанет видеть свои цели. Но сейчас Лиэн просто сидел в тени, отстраненный и холодный, наблюдая за происходящим скорее внутренним зрением, чем глазами.

И третий. Мечник.

Он стоял у окна, прислонившись плечом к косяку, и лениво крутил в руках короткий фальшион. Его звали Корвин. Он был примерно ровесником Альберта, но если Альберт был поджар и стремителен, то Корвин казался гибким, как ивовый прут, – опасная, текучая грация. Он первым поднял глаза на вошедшего и усмехнулся уголком губ.

– А вот и наш пополнение, – протянул он, не прекращая крутить оружие. – И чего же нам не хватало? Еще один парень с железкой. Думаешь, справишься там, где прошлый обосрался?

Альберт не ответил. Он спокойно закрыл за собой дверь, снял с плеча дорожную сумку и аккуратно поставил ее у стены, напротив лавки, где сидел Эйнар. Его движения были размеренными, без лишней суеты. Только когда он выпрямился, он наконец встретился взглядом с Корвином. Взгляд у Альберта был спокойный, даже немного усталый, но в глубине серых глаз тлел едва заметный отсвет – словно где-то далеко, в самой глубине, горел уголек, готовый в любой момент разгореться в пламя.

– Я слышал, ваш прошлый мечник не умел работать в связке, – ровно сказал Альберт, обращаясь ко всем троим, но глядя на Корвина. – Со мной этого не случится.

Корвин хмыкнул, собираясь что-то съязвить, но в этот момент Эйнар оторвался от своего щита. Он поднял голову, и тяжелый взгляд его маленьких, глубоко посаженных глаз вонзился в Альберта, как копьё. Тишина в комнате стала вязкой. Лиэн даже перестал шептать, заинтересованно приподняв капюшон.

– Покажи руки, – голос Эйнара прозвучал низко, раскатисто, словно камни перетирали друг друга.

Альберт не стал спрашивать зачем. Он молча вытянул руки ладонями вверх. Кожа была жесткой, покрытой сеткой

старых шрамов и мозолей – следствие долгих лет работы с рукоятью. Никаких ожогов от неумелого обращения с магией, никаких дрожащих пальцев новичка. Эйнар изучал его руки с тем же пристрастием, с каким только что натирал щит.

– Не ножовщик из трактирной шпаны, – констатировал он, и в его тоне послышалось нечто вроде удовлетворения. – Руки знают клинок. А глаза? Глаза знают, что такое смерть?

– Достаточно, – коротко ответил Альберт.

Эйнар кивнул, словно для себя, и снова опустил взгляд к щиту. Это был приговор, и Корвин это понял. Он скривился, но спорить с ветераном не стал, лишь отошел от окна и демонстративно принялся проверять заточку своего фальшиона, нарочито громко проводя оселком по лезвию.

Лиэн наконец подал голос. Он говорил тихо, с легкой картавостью, и каждое его слово, казалось, повисало в воздухе, обволакивая слушателя.

– Твоя аура... плотнее, чем у обычного воина. – Из-под капюшона блеснул внимательный, цепкий взгляд. – Внутри что-то есть. Искра? Жар?

Альберт внутренне напрягся. Он ожидал вопросов, но не

таких прямых. Мастер Поддержки был опаснее, чем казалось на первый взгляд. Он видел то, что другие предпочитали не замечать. Альберт не подтвердил и не опроверг его слова, лишь слегка повернул голову, глядя на него.

– Я пришел сюда работать клинком, – сказал он, тщательно взвешивая каждое слово. – Остальное – второстепенно, если отряд слажен.

Лиэн тихо рассмеялся, и смех этот был похож на шелест сухой листвы.

– Слаженность, – повторил он. – Мы – щит, поддержка и два меча. Это не квартет менестрелей, парень. Это машина для убийства. Если твой «огонь», настоящий или метафорический, выйдет из-под контроля, ты подставишь не только себя. Я не лечу глупость. Я лечу раны.

Он замолчал, и в комнате снова воцарилась тишина, нарушаемая только скрежетом точильного камня Корвина.

Эйнар поднялся. Даже в полумраке комнаты он возвышался над всеми, заслоняя собой стену. Он накиннул на плечо ремень щита, и тот послушно лег на его спину, как панцирь черепахи.

– Задание простое, – пророкотал он, глядя поверх голов, куда-то в точку на стене. – Вылазка в Северные курганы. Говорят, там завелись некроманты-одиночки. Поднимают мелочь: скелетов, пару гулей. – Он перевел взгляд на Альберта. – Посмотрим, как ты танцуешь в паре с Корвином. Если будешь спотыкаться, вернешься в гильдию пешком. Если умрешь – останешься там.

– Я не умру, – ответил Альберт, и в его голосе впервые прорезалась сталь.

Корвин фыркнул, но уже без прежней насмешки. Альберт заметил, что тот изменил стойку – чуть сместил центр тяжести, как делают фехтовальщики, когда присматриваются к потенциальному противнику, проверяя, не ошибся ли в оценке.

– Через час у ворот, – бросил Эйнар и первым вышел из комнаты, его тяжелые шаги заставили вздрогнуть половицы.

Лиэн поднялся бесшумно, как тень, и, проходя мимо Альберта, на мгновение задержался.

– Искра, – прошептал он одними губами, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на предвкушение. – Береги ее. В курганах ей может найтись работа.

Он скользнул за дверь, оставив Альберта и Корвина одних.

Корвин сунул фальшион в ножны и, проходя мимо, чуть задел плечом Альберта. Несильно, но достаточно ощутимо, чтобы обозначить границу.

– Смотри, – сказал он, не оборачиваясь. – Я не противник, если ты умеешь держать клинок. Но если будешь путаться под ногами, я тебя не прикрою. У нас с Эйнарсом свои порядки. Либо ты в ритме, либо ты – дыра в строю.

– Я не прошу меня прикрывать, – спокойно ответил Альберт. – Я сам могу постоять за себя.

Корвин наконец обернулся. В его глазах плясал опасный, веселый огонек.

– Посмотрим.

Он вышел, хлопнув дверью.

Альберт остался один в опустевшей комнате. Он перевел дыхание, прислушиваясь к себе. Сердце билось ровно, но где-то глубоко в груди, там, где, по словам Лиэна, тлела ис-

кра, чувствовалось легкое, приятное тепло. Он знал это ощущение – предвкушение боя. Альберт опустил руку на эфес, пальцы привычно легли на кожаную оплетку. Он мысленно представил, как будет двигаться в связке с незнакомым мечником, как за его спиной встанет непробиваемая стена щита Эйнара, а Лиэн будет следить за полем боя, корректируя их удары и накладывая чары.

Он пришел в эту гильдию, чтобы перестать быть одиночкой. Чтобы его умение владеть мечом и то, что он скрывал за внешним спокойствием, перестало быть обузой. Он хотел стать частью механизма, где каждый винтик знает свое место.

Альберт поправил перевязь, подтянул ремешки на перчатках и, бросив последний взгляд на пустую комнату, вышел в коридор. Внутри него искра дрогнула, словно живая, обещая, что этот день не будет скучным. Время выдвигаться.

Глава 2. Рыжий ветер

До выхода оставалось еще полчаса, когда Альберт вышел во внутренний двор гильдии, чтобы проверить крепление ножен и перебраться в голове предстоящий бой. Северные курганы были местом неприятным: сырые, промозглые могильники, где даже воздух казался тяжелым от древней злобы.

Он уже мысленно раскладывал по полкам возможные схемы атаки, представляя, как будет двигаться плечом к плечу с Корвином, как прикроет левый фланг Эйнара, если тот возьмет на себя центр...

– Осторожнее!

Он услышал голос слишком поздно. Или, точнее, успел услышать, но не успел среагировать. Что-то тяжелое, пахнущее кожей и травяными настоями, врезалось ему в спину, и Альберт, не ожидавший подвоха на ровном месте, качнулся вперед, едва удержав равновесие. Следом раздался звон – по брусчатке раскатились несколько стеклянных флаконов, один из них треснул, и воздух наполнился резким запахом лаванды и чего-то сладкого, приторного.

– Ах ты ж... – раздался звонкий, чуть хриловатый голос, в котором злость мешалась с искренним удивлением.

Альберт обернулся.

На земле, в живописном беспорядке раскинув руки и ноги, сидела девушка. Яркая, как осенний лист, брошенный в серую толпу. Волосы – густые, непослушные, цвета раскаленной меди – выбились из того, что когда-то было аккуратной косой, и теперь лежали на плечах беспорядочным, но

удивительно красивым пламенем. На ней был короткий кожаный доспех, явно перешитый из мужского, с множеством карманов и заклепок, из которых торчали все те же флаконы, пучки сушеных трав и какие-то странные амулеты. Штаны из плотной ткани были закатаны до середины голени, открывая выдавшие виды сапоги со стоптанными каблуками. В руке она все еще сжимала потрепанную дорожную сумку, из которой сейчас норовила вывалиться половина ее содержимого.

– Ты вообще смотришь, куда прешь, башня с мечом? – возмутилась она, поднимая на него глаза.

И Альберт на мгновение забыл, что хотел сказать.

У нее были зеленые глаза. Не просто зеленые – а яркие, с золотистыми искрами, словно кто-то растворил в них кусочек летнего солнца. Сейчас эти глаза пылали негодованием, но в самой их глубине уже теплилось что-то совсем другое – любопытство, смешливое, дерзкое, живое.

– Я стоял на месте, – наконец выдавил он, чувствуя, как где-то в груди заворочалась та самая искра, но совсем не так, как перед боем. Как-то иначе. Сбивчиво.

– Стоял он! – Девушка ловко вскочила на ноги, отряхива-

ясь. Она была ниже его почти на голову, но это не мешало ей смотреть на него с высоты своего раздражения. – Стоять надо у стенки, понятливый? А если в тебя влетит кто-то срочный, важный, занятой?

– Срочный и важный обычно не бегаёт сломя голову по двору, нагруженный как вьючный мул, – ответил Альберт, и уголок его губ невольно дернулся.

Он не ожидал от себя такой легкости. Обычно он был сдержан, даже суров, но эта девушка действовала на него как солнечный удар – выбивала из колеи, заставляла говорить первое, что приходит в голову.

Она замерла, уперев руки в боки. Глаза ее сузились, и на секунду Альберту показалось, что сейчас последует настоящая буря. Но вместо этого она вдруг рассмеялась. Звонко, открыто, запрокинув голову, так что рыжие волосы рассыпались по плечам, и в их прядях заиграло предзакатное солнце.

– Смотри-ка, умеешь шутить, – протянула она, склоняя голову набок и с интересом разглядывая его. – А я уж думала, все мечники гильдии ходят с такими вот кирпичными лицами. Вон тот, в комнате сборов, – она мотнула головой куда-то в сторону, – вообще на дракона обиженный. А ты... другой.

– Ты знаешь Корвина? – спросил Альберт, опускаясь на корточки, чтобы собрать рассыпавшиеся флаконы.

– Корвина? – фыркнула она, тоже присаживаясь рядом. – А, этот, с вечно скрипящей железкой? Мы однажды пересеклись на задании. Он пытался строить из себя героя, а потом жаловался на боль в спине три дня. – Она ловко выхватила из его рук один из флаконов, проверила, не разбилось ли горлышко, и сунула в карман на поясе. – А я Лира. Лира Огненный Коготь. Ну, это я сама себе придумала, в гильдии все просто Лира. Или «эта рыжая бестия», если начальство злится.

– Альберт, – представился он, протягивая ей последний флакон. – Просто Альберт.

– Просто Альберт, – повторила она, пробуя имя на вкус. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, когда она брала флакон, и Альберт почувствовал, что ее кожа теплая, даже горячая, словно она только что держала руки у открытого огня. – А глаза у тебя интересные. Серые. Как сталь. Но не холодная. Знаешь, когда сталь нагревается, она становится... опасной.

Она сказала это таким тоном, словно бросала вызов. В ее

голосе не было кокетства, которое Альберт привык видеть у трактирных служанок или дочек купцов, пытающихся завлечь щедрого клиента. В ней была игра. Честная, открытая, искрящаяся. Она не заигрывала в привычном смысле – она просто была такой: живой, дерзкой, и ей было интересно, как отзовется этот серьезный мечник на ее слова.

Альберт выпрямился, и она сделала то же самое, оказавшись совсем близко. От нее пахло дымом, мятой и еще чем-то неуловимым – свободой, наверное.

– В курганы собрался? – спросила Лира, заглядывая ему за плечо, где висел меч. – Слышала, Эйнар набирал четвертого. Так это ты?

– Я, – кивнул Альберт, чувствуя, что теряет привычную почву под ногами. С ней было невозможно сохранять дистанцию – она сама выбирала, как близко подойти, и делала это так естественно, словно они были знакомы много лет.

– Эйнар – хорошая стена, – задумчиво протянула она, прикусив губу. – А Лиэн – жуткий тип, но если с ним подружиться, он такое может... – Она вдруг подалась вперед и неожиданно легко, двумя пальцами, коснулась его предплечья. – А ты аккуратнее там. Северные курганы – место паскудное. Я сама оттуда еле ноги унесла в прошлом месяце.

Один умник-некромант решил, что ему позарез нужен свежий материал для экспериментов. Еле отбилась.

– И как? – спросил Альберт, и его голос прозвучал хрипловато, хотя он не планировал этого. – Отбилась?

– Еще как, – усмехнулась Лира, и в ее зеленых глазах мелькнуло что-то опасное, хищное. – У меня, знаешь ли, тоже есть пара приемов. Не только флакончики с лавандой таскать.

Она отошла на шаг, подхватив свою сумку, и Альберт почувствовал, как холодок пробежал по тому месту, где только что были ее пальцы.

– Ладно, «просто Альберт», – она поправила лямку на плече и бросила на него взгляд из-под рыжей челки. – Может, еще увидимся. Если не сожрут гули в курганах.

– Не сожрут, – ответил он увереннее, чем чувствовал.

– Уверен? – Она уже сделала несколько шагов к воротам гильдии, но обернулась, пятясь задом. Солнце било ей в спину, превращая волосы в настоящий огонь. – Смотри, я буду ждать. У меня к тебе будет одно дельце. Интересное. Для того, кто умеет обращаться не только с железкой, но и... с

огоньком внутри.

Альберт замер.

Она знала. Или чувствовала. Или просто сказала наугад, проверяя, как он отреагирует. Но от того, как она это произнесла – легко, будто речь шла о погоде, – у него по спине пробежал табун мурашек.

– Откуда ты... – начал он, но она уже отвернулась.

– Лиэн проболтался, – донеслось до него сквозь шум двора. – Но не бойся, твой секрет – моя тайна. Пока что.

Она взбежала по ступеням крыльца, и на мгновение, всего на мгновение, обернулась. Улыбнулась. Такой улыбкой, от которой у Альберта перехватило дыхание. В ней было обещание. Не опасности – нет. Чего-то гораздо более страшного для человека, привыкшего все контролировать.

Неизвестности.

– Удачи, мечник! – крикнула она и скрылась за дверью, оставив после себя запах дыма, лаванды и тихий, едва слышимый смех, который еще долго звенел в ушах Альберта.

Он стоял посреди двора, чувствуя, как ветер треплет его волосы, и пытался привести мысли в порядок. Бесполезно. В голове было только ее лицо, эти зеленые с золотом глаза и имя, которое она произнесла так, будто оно принадлежало ей.

– Лира, – тихо сказал он вслух, пробуя на вкус.

Внутри, там, где жила его искра, что-то дрогнуло. Не так, как перед боем. Мягче. Теплее. Опаснее.

– Альберт! – рявкнул от ворот голос Эйнара. – Ты идешь или собрался до утра во дворе торчать? Нас ждут!

Он вздрогнул, возвращаясь в реальность. Корвин уже стоял у выхода, закинув фальшион на плечо, и смотрел на него с насмешливым любопытством. Лиэн, как всегда, прятался в тени капюшона, но Альберт чувствовал, что тот тоже наблюдает.

– Иду, – ответил он, поправляя перевязь.

Он сделал шаг к воротам, но не удержался и бросил последний взгляд на крыльцо гильдии. Дверь была закрыта. Рыжая бестия исчезла, растворившись в недрах здания, но ощущение ее присутствия осталось – легкое, щекочущее, как

перышко, проведенное по коже.

«Буду ждать», – сказала она.

Альберт не знал, что она задумала, и не знал, почему эта встреча так сильно его задела. Он всегда был собран, всегда держал эмоции в узде, как учил отец: клинок не терпит суеты, магия не прощает слабости. Но сейчас, шагая к воротам, он вдруг понял, что надеется. Надеется, что курганы не станут его могилой. Надеется, что он справится. И надеется, что когда вернется, рыжая девушка с зелеными глазами все еще будет здесь.

Эйнар окинул его тяжелым взглядом, но ничего не сказал. Корвин хмыкнул, но промолчал. Только Лиэн, когда Альберт поравнялся с ним, тихо прошептал из-под капюшона:

– Осторожнее, мечник. От огня до пожара – один шаг.

Альберт посмотрел на него, но мастер поддержки уже отвернулся, уходя вперед.

Они вышли за ворота, и прохладный ветер с полей ударил в лицо, отрезвляя. Северные курганы ждали. Но в груди у Альберта, рядом с привычным боевым жаром, теперь тлело что-то еще – новое, непривычное, назойливое.

Он вдруг понял, что ждет возвращения в гильдию с таким же нетерпением, с каким обычно ждет начала схватки.

И это пугало его куда больше, чем любые некроманты.

Глава 3. Магазин рыжей бестии

Вернулись они затемно.

Северные курганы оказались именно такими, как он ожидал: промозглыми, полными склизких скелетов и одного тощего некроманта, который, увидев четверку входящих в его логово, почему-то решил, что сможет их всех перебить. Не смог. Эйнар щитом снес полдюжины оживших мертвецов, как кегли; Корвин, хоть и хорохорился, работал слаженно, прикрывая спину Альберта, а Лиэн... Лиэн в какой-то момент просто поднял руку, и три гуля, рвавшиеся к Альберту с фланга, замерли, а потом рухнули наземь, словно марионетки с обрезанными нитями.

Альберт же впервые за долгое время позволил себе не сдерживаться. Когда некромант, поняв, что проигрывает, вызвал из-под земли огромного костяного голема, меч Альберта вспыхнул. Огненная дорожка прошла по лезвию, оставляя в воздухе раскаленный след, и один удар, вложен-

ный в это пламя, раскроил голема от плеча до таза. Кости разлетелись, обугленные и хрустящие, а Корвин, стоявший рядом, на секунду забыл закрыть рот.

– У тебя... – начал было Корвин, но Альберт его перебил.

– Работаем.

Он не хотел обсуждать это сейчас. И вообще не был уверен, что хочет обсуждать это когда-либо. Но огонь, вырвавшийся наружу, принес облегчение – как долгая задержка дыхания, наконец завершившаяся выдохом. Лиэн лишь кивнул, словно ожидал именно этого, а Эйнар, обычно скупой на похвалу, после боя бросил короткое:

– Не зря взяли.

Теперь, стоя у ворот гильдии, Альберт чувствовал приятную усталость во всем теле. Плечи ныли от напряжения, пальцы на правой руке слегка подрагивали после того, как он выпустил слишком много огня за раз. Но на душе было спокойно. Отряд принял его. Он доказал, что годится.

– Завтра в полдень у Эйнара отчет, – сказал Лиэн, проходя мимо. – Не опаздывай.

Корвин хлопнул его по плечу – на этот раз без обычной насмешки, почти по-братски.

– Неплохо жжешь, огонек. – Он усмехнулся собственной шутке и скрылся в воротах.

Альберт хотел уже последовать за ними, но что-то заставило его замедлить шаг. Он оглядел двор – тот самый, где несколько дней назад в него влетела рыжая девушка с кучей флаконов. Сейчас двор был пуст, только ветер гонял сухие листья по брусчатке, да где-то в конюшне фыркала лошадь.

Разочарование кольнуло где-то в груди. Глупо. Он же не надеялся ее увидеть? Не мог надеяться. Они встретились случайно, она сказала пару слов, улыбнулась – и все. Такие, как Лира, не ждут мечников с заданий. Такие, как Лира, наверняка уже забыли о его существовании.

Он вздохнул и направился к казарме, но не успел сделать и трех шагов, как из-за угла главного здания вынырнула знакомая рыжая голова.

– А вот и наш герой! – Лира выскочила перед ним, как чертик из табакерки, и Альберт едва успел затормозить, чтобы не врезаться в нее во второй раз. – Живой! А я уж думала, придется некроманту записку писать с требованием вернуть

моего мечника.

– Твоего? – переспросил Альберт, и голос его прозвучал хрипловато после долгого молчания.

– Ну, того, с кем я договорилась о дельце, – поправились Лира, но в ее зеленых глазах плясали чертики. – Или ты думал, я про другое?

Она стояла близко – слишком близко для человека, которого она видела всего второй раз в жизни. От нее пахло дымом и мятой, как и в прошлый раз, но теперь к этому примешивался еще и запах каких-то трав – терпкий, пряный, дурманящий. Волосы ее сегодня были распущены, и рыжая грива спадала на плечи, закрывая заклепки кожаного жилета.

– Я не думал, – соврал Альберт. – Какое дело?

– Ах, сразу к делу? – Она театрально прижала руку к груди, изображая обиду. – Даже не спросишь, как я тут без тебя скучала? Не расскажешь, сколько гульчиков завалил? Не похвастаешься, как огоньком своим всех напугал?

Альберт нахмурился. Откуда она знает про огонь? Он посмотрел на окна гильдии, потом снова на нее.

– Лиэн, – догадался он.

– Лиэн, – подтвердила Лира с довольной улыбкой. – Он у меня самый лучший информатор. Мы с ним старые друзья. Вернее, он меня терпеть не может, но я его достаю, пока он не скажет все, что мне нужно.

Она подошла еще ближе и заглянула ему в лицо, приподнявшись на носки. Альберт почувствовал, как его искра внутри совершила какой-то немислимый кульбит.

– Ты устал, – сказала Лира, и в ее голосе вдруг исчезла насмешка. – Сильно устал. Когда в последний раз нормально ел?

– Не помню, – честно признался Альберт.

– Так и знала. – Она схватила его за руку – за ту самую, правую, пальцы которой все еще подрагивали после боя, – и сжала крепко, не давая выдернуть. – Пошли.

– Куда?

– Есть одно местечко. Не спорь, мечник. Ты сейчас зеленый, как молодой огурец, и если я тебя отпущу, ты пойдешь в казарму, упадешь на койку и уснешь, даже не разувшись.

А утром проснешься с такой скрученной шеей, что воевать не сможешь.

Альберт хотел возразить, но она уже тащила его за собой, и сил сопротивляться не было. Не потому, что он был слаб, а потому, что ее пальцы, горячие и уверенные, лежали на его запястье, и это было... приятно. Тепло разливалось от места прикосновения куда-то вверх, к локтю, к плечу, к самому сердцу.

– Ты всегда такая... решительная? – спросил он, пытаюсь вернуть себе контроль над ситуацией.

– Всегда, – отозвалась Лира, не оборачиваясь. – Иначе в нашем ремесле долго не протянешь. Особенно если ты девушка, ростом не вышла, а волосы такие, что в любой темноте видно.

Они вышли за ворота гильдии и свернули в узкий переулок, которого Альберт раньше не замечал. Город спал, но где-то вдалеке слышались голоса, звон посуды, обрывки песен. Лира вела его уверенно, лавируя между мусорными баками и спящими котами, пока они не остановились перед неприметной дверью, обитой железом.

– Это что? – спросил Альберт, разглядывая вывеску, на

которой было нацарапано что-то неразборчивое.

– Мое. – Лира достала из кармана ключ, огромный, старый, с вычурной головкой. – Лавка. Ну, если это можно назвать лавкой. Скорее, моя пещера сокровищ.

Дверь со скрипом открылась, и Альберт шагнул внутрь.

Он ожидал увидеть что угодно – склад оружия, алхимическую мастерскую, может быть, даже небольшую казарму. Но то, что предстало перед его глазами, было... невозможно описать одним словом.

Это был магазин. Магазин, в котором, казалось, собралось всё на свете.

Стены от пола до потолка были заставлены полками, а полки ломились от склянок, банок, коробочек, свертков, мешочков, флаконов, ампул и прочих ёмкостей, назначение которых Альберт даже не пытался угадать. В воздухе висел густой коктейль запахов: травы, специи, сушеная рыба, кожа, какой-то сладкий цветочный аромат и... жареный лук?

– У тебя тут... – Альберт огляделся, пытаясь найти хоть какой-то порядок в этом хаосе. – Ты здесь живешь?

– Живу, работаю, сплю, иногда плачу, когда ничего не продается, – Лира уже шныряла между стеллажами, ловко переставляя какие-то банки. – Садись вон туда.

Она махнула рукой в угол, где обнаружился потертый диван, заваленный подушками всех мыслимых форм и расцветок. Альберт осторожно опустился на него, чувствуя, как усталость наваливается с новой силой. Подушки пахли лавандой – той самой, что разбилась в день их первой встречи.

– Ты, наверное, думаешь, что я сумасшедшая, – донеслось из-за стеллажа, сопровождаемое звоном посуды и шипением чего-то, поставленного на огонь.

– Я так не думаю, – честно ответил Альберт, хотя мысль мелькнула.

– Врешь. – Лира появилась из-за стеллажа с двумя кружками в руках. – Но это ничего. Все так думают. Пока им не понадобится какая-нибудь совершенно невозможная дрянь. Например, слеза ночной ящерицы или пыльца с крыльев мотылька, который живет только три дня в году. И тогда они приходят ко мне. Потому что у меня есть всё.

Она протянула ему кружку. Внутри что-то дымилось, пахло травами и медом.

– Что это?

– Сонная трава, корень валерианы, немного меда и... – она замялась, – и один секретный ингредиент. Не бойся, не отравлю. Ты мне живой нужен.

Альберт сделал глоток. Напиток оказался обжигающе горячим, сладким и с горчинкой, которая приятно щипала язык. Тепло разлилось по груди, и он почувствовал, как напряжение начинает отпускать мышцы, которые, казалось, окаменели после боя.

– Вкусно, – сказал он удивленно.

– Я же говорила, я хорошая хозяйка. – Лира плюхнулась на диван рядом с ним, и пружины жалобно скрипнули. Диван был узким, и она оказалась так близко, что Альберт чувствовал жар, исходящий от ее тела. – Рассказывай. Как оно там, в курганах?

– Мерзко, – Альберт сделал еще глоток. – Сыро, холодно, кости везде. Некромант оказался слабым, но голема поднял приличного.

– А ты его? – Лира смотрела на него во все глаза, подпе-

рев щеку рукой. Локоть ее упирался в спинку дивана, и вся она была такая домашняя, уютная, совсем не похожая на ту дерзкую бестию, что сбила его с ног посреди двора.

– Разрубил, – сказал Альберт и, помедлив, добавил: – От-нем.

Лира ахнула. Не театрально, а по-настоящему, и в ее глазах загорелся такой живой, такой искренний восторг, что Альберту стало неловко.

– Я хочу это увидеть! – воскликнула она, хлопая в ладоши. – Ты должен мне показать. Прямо сейчас!

– Не сейчас, – Альберт осторожно отодвинулся, потому что она вдруг оказалась совсем близко, почти прижавшись к его плечу. – Я устал. Могу не рассчитывать.

– Ах да, – она отодвинулась, но совсем чуть-чуть. – Ты же у нас сегодня герой, героям нужен отдых.

Они пили чай молча, и это молчание было странно уютным. Альберт разглядывал магазин, пытаясь понять, как в этом хаосе можно хоть что-то найти. Банки с надписями «сушенная жаба» соседствовали с коробкой, на которой было выведено «не трогать, я серьезно», а рядом с ней стояла баноч-

ка с вареньем, в которой, судя по засохшим пятнам на горлышке, уже кто-то покопался.

– А что это за секретный ингредиент? – спросил он, кивая на опустевшую кружку.

Лира улыбнулась. Хитро, заговорщически, с прищуром.

– Скажешь, что это глупость.

– Скажу.

– Немного корицы.

Альберт посмотрел на нее, потом на кружку, потом снова на нее.

– Корица – это секретный ингредиент?

– Для сонного отвара – да! – возмутилась Лира. – Обычно туда кладут мед и валериану, и получается гадость, от которой хочется блевать. А с корицей – вкусно, и спишь как убитый. Ну, или как не убитый, но очень уставший.

Она замолчала, и вдруг, без всякого перехода, спросила:

– А ты кого-нибудь любил?

Альберт поперхнулся последним глотком.

– Что?

– Ну, любил. Девушку. Мужчину. Собаку. Лошадь. Кого-то, кого было жалко потерять. – Она говорила быстро, словно боялась, что он перебьет, и смотрела куда-то в сторону, на полку с засохшими травами. – Просто интересно.

Альберт молчал долго. Дольше, чем нужно. Он думал о том, как жил последние годы – тренировки, бои, магия, которую он скрывал, одиночество, которое сам себе выбрал. Было ли в этой жизни место для любви?

– Нет, – сказал он наконец. – Не было времени.

– Времени всегда можно найти, – тихо сказала Лира, и в ее голосе вдруг пропала вся игривость, осталась только какая-то странная, непривычная серьезность. – Если очень захотеть.

Она посмотрела на него, и в этот раз он не отвел взгляд. Зеленые глаза были совсем близко, в них отражался свет масляной лампы, и этот свет дрожал, переливался золотом,

и Альберт вдруг понял, что не хочет, чтобы этот момент заканчивался.

– А ты? – спросил он тихо.

– Я? – Лира усмехнулась, но усмешка вышла какая-то грустная. – Я всех люблю. Всех, кто заходит в мою лавку. Стариков, которые покупают настойку от кашля, и молодых вояк, которым нужны притирания от шрамов, и детей, которые приходят погладить моего кота. Я люблю свой магазин, свои банки, свои травы. – Она замолчала, покусывая губу. – А чтобы кого-то... по-настоящему... наверное, нет. Тоже времени не было.

В комнате повисла тишина. Слышно было, как где-то за стеной капает вода, как потрескивает фитиль в лампе, как сердце Альберта стучит где-то в горле.

– Лира, – начал он, не зная, что скажет дальше, но она вдруг вскочила, словно ужаленная.

– Ты есть хочешь? – спросила она слишком бодро. – Я тут на прошлой неделе пирог с мясом пекла. Ну, как пекла... купила у пекаря. Но я его разогрею, будет как свежий. Ты сиди, не вставай!

Она метнулась за стеллаж, и Альберт услышал, как она возится там, гремит посудой, что-то бормочет под нос. Он остался сидеть на диване, чувствуя, как внутри него что-то меняется. Та самая искра, его вечный спутник, тлела ровно и спокойно, но рядом с ней, совсем близко, зарождалось что-то новое. Что-то, что не требовало контроля, не нуждалось в сдерживании. Что-то, что просто было.

Он встал и подошел к стеллажу, за которым Лира активно делала вид, что очень занята разогреванием пирога, хотя пирог уже, судя по запаху, давно согрелся и начинал подгорать.

– Лира.

Она обернулась, и на ее лице было такое выражение – смесь испуга, надежды и еще чего-то, чему Альберт не мог подобрать названия, – что он невольно улыбнулся. Впервые за сегодняшний вечер по-настоящему, открыто.

– Твой пирог горит, – сказал он.

– А?! – Она обернулась к печи и замахала руками, выхватывая противень. – Вот черт! Я же говорила, что нельзя отвлекаться! А ты стоишь, смотришь, отвлекаешь...

Пирог и правда подгорел с одного бока, но Лира, осмотрев

ущерб, решила, что это не страшно.

– Обрежем черное, и будет идеально, – объявила она, ставя противень на стол. – Садись. И не смотри на меня так.

– Как?

– Как будто я что-то сломала, а ты не знаешь, как об этом сказать, но тебе смешно.

Альберт сел за маленький столик, заваленный бумагами и сушеными кореньями, которые Лира сгребла в кучу одним движением. Пирог оказался на удивление вкусным – даже подгоревшая корочка придавала ему какой-то особый, домашний вкус.

– Ты умеешь готовить? – спросил он с набитым ртом и тут же почувствовал себя неловко. Отец всегда учил его, что за столом надо вести себя прилично.

– Нет, – честно призналась Лира, с аппетитом уплетая свой кусок. – Вообще не умею. Поэтому я покупаю у пекаря, а потом говорю всем, что сама пекла. Это моя маленькая тайна. Теперь и твоя.

– Я никому не скажу, – пообещал Альберт.

– Знаю. – Она улыбнулась, и в этой улыбке не было ни хитрости, ни вызова. Только тепло. – Ты вообще на секреты похож. Весь из них состоишь. Огонь там, прошлое тут. Смотри, лопнешь когда-нибудь от всего, что внутри держишь.

Альберт отложил вилку.

– А ты? У тебя тоже есть секреты?

– О, – Лира откинулась на спинку стула и закатила глаза к потолку. – У меня их целый сундук. Я их под кроватью храню, в старом ларце. Но я тебе их не покажу, потому что если я их открою, они рассыплются в пыль. Секреты, знаешь ли, любят темноту.

– Тогда я свои тоже пока не буду открывать, – сказал Альберт, и это прозвучало как обещание. Или как вызов.

Лира наклонила голову, и рыжая прядь упала ей на лицо.

– А я и не прошу. Мне нравится их разгадывать. Это как собирать пазл, в котором половина кусочков потерялась. Интереснее.

Они доели пирог, и Лира заварила еще чаю – на этот раз

без снотворного, просто травяной, с мятой и медом. Альберт рассказывал о бое, о том, как Корвин сначала косился на него, а потом невольно подстроился под его ритм, как Эйнар одним щитом прикрывал их обоих, не давая мертвецам окружить, а Лиэн в нужный момент так скрутил заклинание некроманта, что тот сам запутался в собственных нитях.

Ли́ра слушала, не перебивая, и в ее глазах горел тот самый огонек – восхищение, смешанное с чем-то более глубоким, что заставляло Альберта говорить больше, чем он планировал. Он рассказал о том, как учился фехтованию под руководством отца, как тот был суров, но справедлив, как заставлял его вставать затемно и водить клинком, пока руки не начинали трястись.

– А огонь? – тихо спросила Ли́ра. – Огонь откуда?

Альберт замолчал. Это была та часть пазла, которую он пока не хотел отдавать.

– Потом, – сказал он. – Когда-нибудь.

– Хорошо, – согласилась Ли́ра без обычной своей настойчивости. – Когда-нибудь так когда-нибудь.

Она зевнула, прикрывая рот ладошкой, и Альберт вдруг

заметил, как поздно. За окном уже серело, занимался новый день, а они просидели в этой уютной лавке всю ночь.

– Мне пора, – сказал он, поднимаясь. – Отчет у Эйнара в полдень, нужно хоть немного поспать.

– Иди, – Лира встала следом, и они оказались лицом к лицу, в тесном пространстве между столом и стеллажом. – Только пообещай мне одну вещь.

– Какую?

– В следующий раз, когда пойдешь на задание, возьми с собой вот это. – Она сунула ему в руки небольшой кожаный мешочек. – Противоядие от всякой некромантской дряни. Если ранят чем-то отравленным, сразу глотни. Действует быстро.

Альберт взвесил мешочек на ладони.

– Сколько я должен?

– Нисколько, – отрезала Лира. – Это подарок. За то, что ты не умер в курганах и пришел ко мне в гости.

– Это было свидание? – спросил Альберт, и сам удивился

собственной смелости.

Ли́ра замерла. Зеленые глаза расширились, стали огромными, и на щеках у нее проступил румянец, который не скрыла даже тусклая лампа.

– А ты хотел бы? – спросила она тихо, и в голосе ее не было привычной дерзости. Только робость, которую она пыталась спрятать, но не могла.

Альберт молчал ровно столько, сколько нужно, чтобы Ли́ра начала нервничать. Потом он медленно, осторожно, словно брал в руки что-то хрупкое и бесценное, поднял ладонь и убрал прядь рыжих волос с ее лица.

– Да, – сказал он. – Хотел бы.

Он не поцеловал ее. Не потому, что не хотел – хотел так, что искра внутри него полыхнула ярким, обжигающим пламенем. А потому, что впервые в жизни ему захотелось сделать все правильно. Не торопиться. Не ломать. Просто быть рядом.

– Тогда, – Ли́ра сглотнула, и ее голос дрогнул, но в глазах снова зажглись те самые чертики, – следующее свидание организуешь ты.

– Договорились, – кивнул Альберт.

Он вышел на улицу, когда солнце уже поднялось над крышами, окрашивая город в розово-золотые тона. В кармане лежал мешочек с противоядием, на губах – вкус мятного чая и подгоревшего пирога, а в груди, там, где тлела его вечная искра, теперь горело что-то новое. Тихое. Теплое. Необоримое.

Он шел к казарме и улыбался, как мальчишка, и ему было все равно, кто это увидит.

Впервые за долгое время Альберт чувствовал, что не просто живет, а начинает что-то настоящее. И это что-то пахло дымом, мятой и рыжими волосами.

Глава 4. Пламя над скалами

Прошло две недели. Две недели, за которые Альберт успел привыкнуть к ритму отряда так, словно всегда был его частью. Он знал, что Эйнар, прежде чем войти в бой, всегда делает три глубоких вдоха – первый, чтобы оценить расстояние, второй, чтобы настроить щит, третий, чтобы забыть о страхе. Он знал, что Лиэн перед серьезным заклинанием начинает тихонько постукивать пальцами по бедру, отсчитыв-

вая такт, и что если стук прекращается – значит, магия уже ушла из его рук и назад ее не вернуть. Он знал, что Корвин, когда злится, сжимает фальшион так, что костяшки белеют, а когда успокаивается – начинает крутить его в пальцах, ослабленно, лениво, как кошка, играющая с мышью, которая уже не убежит.

Знал он и другое.

Он знал, как пахнут волосы Лиры, когда она только проснулась – не мятой и дымом, как днем, а чем-то сладким, медовым, уютным. Знал, что она сначала заваривает чай и только потом начинает соображать, что делает, и что первая кружка у нее всегда получается слишком крепкой, а вторая – в самый раз. Знал, что она любит сидеть на подоконнике своей лавки, свесив ноги, и смотреть, как город зажигает вечерние огни, и что в такие моменты она не болтает, а молчит, и молчание это тяжелое, с каким-то своим, невеселым смыслом.

Они встречались каждый день. Иногда на час, иногда на полчаса, иногда – как в прошлую пятницу – на всю ночь, до самого рассвета. И каждый раз, когда Альберт уходил от нее, в груди у него горело что-то, что он не мог назвать иначе, чем счастьем.

Но сейчас счастье было далеко.

Они стояли на краю ущелья, и ветер, пахнувший серой и пеплом, хлестал в лицо, заставляя жмуриться. Внизу, в каменной чаше, где когда-то был карьер, а теперь – зловонное озеро расплавленной породы, лежал дракон.

Он был огромен.

Альберт видел драконов раньше – на картинках в старых книгах, на барельефах в храмах, даже однажды, в детстве, издалека, когда какой-то крылатый силуэт пронесся над лесом, заставив деревья склониться, словно перед бурей. Но то, что он видел сейчас, было не книжной иллюстрацией и не силуэтом на горизонте.

Чешуя дракона переливалась черным и багровым, как застывшая лава, а в тех местах, где она отслаивалась, виднелись глубокие трещины, из которых сочился тусклый, пульсирующий свет. Глаза – два вертикальных янтаря с вертикальными зрачками – были закрыты. Дракон спал. Но даже во сне его дыхание поднимало волны в лавовом озере, заставляя оранжевые всполохи плясать на стенах ущелья.

– Это безумие, – прошептал Корвин, и Альберт впервые услышал в его голосе настоящий страх. Не браваду, не на-

пряжение – чистый, животный ужас. – Нас же не за этим послали? Нам сказали – гнездо гарпий. Это не гарпии.

– Гильдия ошиблась, – ровно сказал Эйнар, но Альберт заметил, как его огромные пальцы сжали рукоять щита так, что дерево жалобно скрипнуло. – Или нас подставили.

– Какая разница? – Лиэн стоял чуть позади, и его голос звучал отстраненно, почти равнодушно, но Альберт слышал в нем ту же ноту – ноту, которую мастер поддержки не мог скрыть ни заклинаниями, ни маской спокойствия. Страх. – Важно другое. Он проснется. И когда он проснется, он нас учует. Вопрос только в том, успеем ли мы уйти до этого.

– Не успеем, – сказал Альберт.

Все посмотрели на него.

Он стоял на самом краю обрыва, и ветер трепал его волосы, сорванные с хвоста. Меч висел на боку, привычной тяжестью оттягивая пояс, но сейчас Альберт почти не чувствовал его. Все его внимание было поглощено драконом. Он смотрел на то, как поднимается и опускается брюхо чудовища в такт дыханию, как вздрагивают перепончатые крылья, сложенные вдоль тела, как иногда из ноздрей вырываются струйки дыма, лениво поднимающиеся кверху.

– Он спит, – продолжал Альберт, не отрывая взгляда от дракона. – Но он чувствует нас уже сейчас. Видите, как изменилось дыхание? Участилось. Он знает, что мы здесь. Он ждет.

– Откуда ты... – начал Корвин, но Эйнар оборвал его движением руки.

– Что предлагаешь?

Альберт наконец оторвал взгляд от дракона и посмотрел на командира. В глазах Эйнара не было страха. Там была тяжелая, холодная решимость человека, который уже принял то, что другой назвал бы безнадежностью.

– Напасть первыми, – сказал Альберт. – Пока он не поднялся на крыло. В ущелье он не сможет развернуться. Крылья будут мешать. Мы зажмем его в каменном мешке и не дадим подняться.

– Идиотский план, – выдохнул Корвин.

– Другого нет, – отрезал Эйнар. Он повернулся к отряду, и его голос зазвучал жестко, командно, не терпя возражений. – Слушайте меня. Спускаемся по западной стене. Лиэн, ты

первый. Наложил на всех иллюзию – пусть дракон видит нас позже, чем мы будем. Корвин и Альберт, вы заходите с флангов. Я беру центр. Не даем ему поднять голову. Бьем в шею, под челюсть, в глаза. Если он успеет вдохнуть – укрываемся за мной.

– Твой щит не выдержит драконьего пламени, – тихо сказал Лиэн.

Эйнар усмехнулся. Это была страшная усмешка – оскал старого волка, который знает, что этот бой может стать последним.

– Выдержит ровно столько, сколько нужно. Приготовились.

Они начали спуск.

Альберт чувствовал каждую секунду этого спуска каждой клеткой тела. Стена была неровной, осыпающейся, и каждый раз, когда его пальцы искали опору, он слышал, как камни крошатся под весом, падают вниз и, ударяясь о склоны, вызывают сухую, злую дробь, которая эхом разносится по ущелью. Где-то внизу, в самой глубине, дракон заворочался. Тяжело, сонно, но уже с каким-то новым, зловещим смыслом.

Ладонь Альберта вспотела на рукояти меча. Он не вытащил клинок – еще рано, – но пальцы уже легли на оплетку привычным, отработанным хватом. Внутри, там, где тлела искра, начинало нарастать тепло. Не то спокойное, ровное тепло, которое он чувствовал в обычном бою. Это было другое – жаркое, нетерпеливое, почти болезненное. Словно огонь внутри него чувствовал родственную стихию внизу и тянулся к ней, стремясь сгореть или сжечь.

– Тише, – прошептал он себе под нос, усмиряя пламя. – Не сейчас. Сейчас нужно только железо.

Они спустились на дно ущелья за пятнадцать минут, которые растянулись в вечность. Земля под ногами была горячей – даже сквозь подошву сапог Альберт чувствовал, как она дышит жаром. Воздух дрожал над лавовым озером, и запах серы стал таким густым, что горло начало саднить.

Дракон лежал в ста шагах от них.

Ближе он казался еще огромнее. Альберт видел каждую чешуйку на его морде – неровную, потрескавшуюся, с обгоревшими краями. Видел, как поднимаются и опускаются ноздри, втягивая воздух, пробуя его на вкус. Видел, как напрягаются мышцы под чешуей, как вздрагивают веки – тяжелые, как каменные плиты, – за которыми угадывалось дви-

жение зрачков.

– Он нас чувствует, – одними губами сказал Лиэн. – Иллюзия держится, но он чует запах. Живой запах.

– Тогда вперед, – бросил Эйнар. – Альберт, правый фланг. Корвин, левый. Ждите моего сигнала.

Альберт двинулся вправо. Каждый шаг давался ему с трудом – не потому, что ноги не слушались, а потому, что каждый мускул в его теле был напряжен до предела, готовый к рывку, и сдерживать эту готовность стоило невероятных усилий. Он крался вдоль стены ущелья, прижимаясь спиной к горячему камню, и считал шаги. Десять. Двадцать. Тридцать. На тридцать седьмом он оказался там, где стена делала изгиб, открывая вид на шею дракона.

Он остановился.

Теперь он видел чудовище сбоку. Длинная, изогнутая шея, покрытая более мелкой чешуей, чем на корпусе; там, где чешуя заканчивалась, начиналась грубая, серая кожа, натянутая на мощные мышцы. Альберт искал глазами слабое место. Там, где шея переходила в голову, сразу за тяжелой челюстью, чешуя была тоньше. Если ударить туда, с##ой силой...

Он перевел взгляд на Эйнара. Командир стоял прямо напротив морды дракона, и его башенный щит был поднят, закрывая его от подбородка до колен. Корвин замер с левого фланга, и Альберт видел, как блестит от пота его лицо, как дрожат руки, сжимающие фальшион.

Эйнар поднял левую руку. Три пальца. Два. Один.

– СЕЙЧАС!

Крик Эйнара разорвал тишину ущелья, и в то же мгновение дракон открыл глаза.

Янтарные вертикальные зрачки сузились, и в них, как в зеркалах, отразились четыре маленькие фигурки, бегущие навстречу. Дракон взревел.

Звук был такой, что у Альберта заложило уши и перед глазами поплыли круги. Это был не просто рев – это была волна, физическая, осязаемая, которая ударила в грудь, заставив сердце пропустить удар, а ноги – споткнуться. Он упал на одно колено, но тут же вскочил, потому что если сейчас остановиться – все кончится.

Эйнар ударил первым.

Он бежал прямо на дракона, и это было безумие – один человек с щитом против горы чешуи и когтей. Но Эйнар не был обычным человеком. В его беге была та же мощь, что в обвале, и когда он врезался в морду дракона, щит его ударил точно в нижнюю челюсть, с силой, которая заставила чудовище мотнуть головой.

– БЕЙ! – заорал Эйнар, и Корвин рванул с левого фланга.

Его фальшион описал дугу и вонзился в шею дракона, туда, где чешуя была тоньше. Лезвие вошло на два пальца и застряло. Дракон дернулся, и Корвин, не удержав рукоять, отлетел в сторону, ударившись спиной о стену ущелья.

Альберт уже был в воздухе.

Он не помнил, как преодолел последние двадцать шагов. Тело двигалось само, быстрее мысли, быстрее страха. Правой рукой он выхватил меч, левой – коснулся клинка, и огонь, рванувший из пальцев, побежал по стали, раскаляя ее добела.

Удар.

Он вложил в этот удар все: вес тела, скорость разбега, цен-

тробежную силу разворота и ту ярость, что копилась в нем с того самого момента, как он увидел этого дракона. Меч вошел в шею чудовища там, где уже была рана от клинка Корвина, и пробил глубже. Глубже, чем Альберт рассчитывал. На ладонь. На две. На три.

Кровь дракона брызнула из раны черным, обжигающим фонтаном, и несколько капель попали на лицо Альберта. Кожа заныла, словно ее коснулись раскаленным железом. Он зашипел от боли, но не отпустил рукоять. Вместо этого он рванул меч вниз, расширяя рану, и огонь на лезвии полыхнул ярче, выжигая плоть.

Дракон взревел снова, и в этом реве было уже не удивление, а боль.

Огромная голова дернулась, и Альберт почувствовал, как его отрывает от земли. Он повис на рукояти, вцепившись в нее обеими руками, и мир вокруг него превратился в месиво из камня, огня и тьмы. Челюсти дракона разжались, и Альберт увидел, что творится в его пасти: раскаленное нёбо, черный язык, и там, в глубине, в самом горле – пульсирующий, ослепительный свет.

– ОН СЕЙЧАС ДЫХНЕТ! – закричал откуда-то Корвин.

Эйнар метнулся вперед, вскидывая щит. Он встал между драконом и Альбертом, и в этот момент чудовище выдохнуло.

Пламя ударило в щит.

Альберт видел, как сталь сначала покраснела, потом побелела, потом начала плавиться. Эйнар стоял, вжав ноги в камень, и его лицо было страшным – обожженным, с лопнувшими от жара губами, но он держался. Он держал щит, даже когда металл потек по его рукам, приплавляя доспехи к коже.

– Лиэн! – заорал Альберт, чувствуя, что еще секунда – и Эйнар упадет.

Мастер поддержки уже работал.

Альберт не видел, что именно он делал, но почувствовал, как воздух вокруг сгустился, стал вязким, плотным. Пламя, бившее в щит, начало гаснуть, словно наткнулось на невидимую стену. Дракон захлебнулся собственным огнем, и из его пасти вырвался не пламя, а черный, удушливый дым.

– Альберт! – голос Лиэна прозвучал резко, требовательно.
– Сейчас! Ударь в открытую пасть!

Альберт понял.

Он рванул меч вверх, выдирая его из шеи дракона, и в то же мгновение огонь внутри него, тот самый, который он сдерживал всю жизнь, вырвался наружу. Не искра – пламя. Настоящее, живое, голодное.

Оно побежало по его рукам, по лезвию, и когда Альберт, оттолкнувшись от чешуйчатой шеи, прыгнул вперед, меч его был не оружием – он был факелом, копьем, молнией, закованной в сталь.

Дракон разинул пасть, готовясь к новому выдоху, и в этот миг Альберт вонзил клинок ему в нёбо.

Пламя, вырвавшееся из рук Альберта, встретилось с пламенем, рождавшимся в глотке дракона, и мир взорвался.

Ударная волна отбросила Альберта назад, и он ударился спиной о стену ущелья так сильно, что из легких вышибло весь воздух. Перед глазами поплыли черные круги, в ушах звенело, и он не понимал, жив он или уже нет.

Он лежал на спине, чувствуя, как горячие камни впиваются в лопатки, и смотрел в небо. Оно было багровым, зата-

нутым пеплом, и в этом багреве медленно, бесконечно медленно, кружились обгоревшие чешуйки, падая на землю, как черный снег.

Где-то рядом кто-то стонал.

Альберт попытался повернуть голову и чуть не закричал от боли – шея затекла, мышцы свело судорогой. Он сделал усилие, переборол боль и увидел Корвина. Тот сидел, привалившись к стене, и его фальшион валялся в трех шагах, покрытый копотью и кровью. Лицо у Корвина было белое, как мел, а правая рука висела плетью, неестественно вывернутая в локте.

– Живой? – прохрипел Корвин.

– Живой, – ответил Альберт, и голос его прозвучал чужим, хриплым, словно он надышался дыма.

Он сел.

Дракон лежал в двадцати шагах от него, и голова его была неестественно вывернута, а из раскрытой пасти все еще шел дым – не тот, живой, что вырывался раньше, а мертвый, серый, последний. Чешуя на морде обуглилась, лопнула, и в трещинах виднелось обнаженное, почерневшее мясо. Гла-

за были открыты, но в них уже не было янтарного блеска – только мутная, стеклянная пустота.

Он сделал это. Они сделали это.

– Эйнар, – вспомнил Альберт, и сердце его сжалось.

Он встал, шатаясь, и сделал несколько шагов к тому месту, где перед ударом стоял командир. Ноги не слушались, каждый шаг отдавался болью в позвоночнике, но он шел. Он должен был увидеть.

Эйнар лежал на спине, и его щит – тот самый башенный щит, который был его легендой, – превратился в бесформенный кусок металла, припаянный к обгоревшей руке. Доспехи на груди оплавилась, кожа на лице обуглилась, и Альберт, увидев это, почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота.

Но Эйнар дышал.

Грудь его вздымалась – тяжело, с хрипом, но вздымалась. И пальцы левой руки, той, что не держала щит, чуть шевелились, словно он все еще пытался сжать кулак.

– Лиэн! – крикнул Альберт, и голос его сорвался. – Лиэн, сюда!

Мастер поддержки появился из дыма, шатаясь, как пьяный. Лицо его, обычно скрытое капюшоном, было открыто, и Альберт впервые увидел его без тени. Это было бледное, изможденное лицо с глубокими морщинами и глазами, провалившимися в черные круги. Но глаза эти смотрели ясно, и руки, опустившись на грудь Эйнара, двигались уверенно, словно знали каждую кость, каждый сосуд, каждую мышцу.

– Дыши, старый ты упрямец, – бормотал Лиэн, и его пальцы, светящиеся тусклым зеленым светом, скользили по обожженной коже, оставляя за собой чистые, заживающие полосы. – Не смей умирать. Не здесь. Не сейчас.

Альберт опустил на колени рядом с ними, и только сейчас, когда опасность миновала, когда дракон был мертв, а Эйнар жив, он почувствовал, как дрожат его руки. Он посмотрел на них – пальцы, сжимавшие меч, были черными от копоти, костяшки сбиты в кровь, и на правой ладони, там, где огонь вырвался наружу, горел свежий, багровый ожог.

Он не помнил, когда получил его. В бою не было времени на боль.

Корвин подошел сзади, волоча покалеченную руку. Он молча смотрел на Эйнара, и на его лице, обычно насмешли-

вом и колком, было написано что-то, чего Альберт не ожидал увидеть. Страх. Не перед драконом – перед потерей.

– Он выкарабкается? – спросил Корвин, и голос его дрогнул.

– Если мы вытащим его отсюда, – сказал Лиэн, не прекращая движений. – Здесь слишком жарко, воздух отравлен. Нужно поднять его наверх. Быстро.

Альберт встал. Ноги тряслись, но он заставил их слушаться. Он подошел к Эйнару, присел, и, несмотря на боль в спине и руках, подsunул плечо под здоровую руку командира.

– Тяжелый, как скала, – выдохнул он, пытаюсь поднять его.

– Он и есть скала, – отозвался Корвин, подходя с другой стороны. Его правая рука безжизненно болталась, но левой он ухватился за пояс Эйнара и тянул, стиснув зубы от боли. – Только скалы, блин, не горят.

– Не разговаривай, тащи, – рявкнул Лиэн, поднимаясь и опираясь на посох, которого Альберт раньше у него не видел.

Они шли медленно. Каждый шаг давался с боем – ноги скользили на горячих камнях, Эйнар, даже без сознания, был

неподъемной тяжестью, и воздух, наполненный пеплом и гарью, обжигал легкие. Альберт чувствовал, как каждый мускул в его теле кричит от перенапряжения, как сердце колотится где-то в горле, как пот, смешиваясь с кровью и сажой, течет по лицу, заливая глаза.

Они поднимались по осыпающемуся склону, и Альберт смотрел только вперед. На край ущелья, на светлеющее небо, на край земли, где заканчивался этот ад.

Он вспомнил Лиру.

Вспомнил, как она сидит на подоконнике, болтая ногами, и смотрит на закат. Вспомнил, как пахнут ее волосы – мятой и дымом. Вспомнил, как она сказала: «В следующий раз, когда пойдешь на задание, возьми с собой». И он взял. Мешочек с противоядием все еще лежал во внутреннем кармане куртки, прижатый к груди, и одна только мысль об этом заставляла его переставлять ноги, дышать, жить.

– Еще немного, – прохрипел Корвин, и голос его был едва слышен. – Еще немного, и мы наверху.

Они выбрались на край ущелья, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая горизонт в багровые тона, похожие на цвет драконьей крови. Альберт опустил Эйнара на траву

– настоящую, живую траву, которая пахла землей и свежестью, – и рухнул рядом, чувствуя, как земля уходит из-под ног, как мир плывет и кружится, и как где-то далеко-далеко, за гранью сознания, бьется о ребра его искра, уставшая, притихшая, но живая.

– Жив, – прошептал он, глядя в небо. – Мы живы.

И впервые за все время, что он был авантюристом, Альберт позволил себе закрыть глаза и не контролировать ничего. Ни дыхание, ни сердцебиение, ни огонь внутри.

Он просто лежал и слушал, как мир возвращается к жизни: пение птиц, шелест травы, тяжелое, но ровное дыхание Эйнара, и где-то на самом краю слуха – далекий, едва уловимый звук.

Кто-то смеялся. Или плакал. Или просто радовался тому, что они все еще здесь.

Альберт улыбнулся, не открывая глаз.

Он знал, что, когда вернется в город, первым делом пойдет не в гильдию. Не в казарму. Не к Эйнару в лазарет.

Он пойдет в маленькую лавку, заставленную банками и

склянками, где пахнет травами и дымом, где на подоконнике сидит рыжая девушка, которая ждет его, и скажет ей:

– Я вернулся.

И это будет правдой. Самой главной правдой в его жизни.

Глава 5. Тишина в камне

Они нашли его на третий день после битвы с драконом.

Отряд вернулся в ущелье, чтобы забрать трофеи – чешую, когти, зубы, всё, что можно было продать гильдии, чтобы покрыть расходы на лечение Эйнара. Командира оставили в лазарете под присмотром врачей; Лиэн сказал, что тот выживет, но восстанавливаться будет долго. Корвин носил правую руку на перевязи и злился на всю вселенную за то, что не может участвовать в разделке добычи. Лиэн был бледен и молчалив – магия, потраченная на спасение Эйнара, высосала из него почти все силы.

Альберт работал молча.

Они спустились на дно ущелья по знакомой тропе, но теперь здесь всё было иначе. Драконья кровь, пропитавшая землю, застыла черными лужами, и воздух еще хранил запах

гари, но уже не тот, удушливый, а какой-то остывающий, обреченный. Тело чудовища лежало там, где они его оставили, и мухи – огромные, синие, с металлическим блеском – уже роились над ним, предвещая скорое разложение.

Альберт взялся за разделку с тупой, механической сосредоточенностью. Он знал, как это делается: поддеть чешую у основания, подрезать сухожилия, отделить пластину за пластиной. Руки помнили движения, даже когда мысли были далеко. Он работал ножом, который дал Лиэн, – длинным, изогнутым, с рукоятью из темного дерева, и лезвие входило в мертвую плоть с противным, влажным хрустом.

Корвин сидел на камне в нескольких шагах и следил за его работой. Он не мешал, не подкалывал, просто смотрел, и молчание это было тяжелым, но не враждебным.

– Альберт, – сказал Корвин через час, когда солнце поднялось в зенит и жар стал невыносимым. – Смотри.

Альберт поднял голову.

Корвин кивнул в сторону того места, где лежала грудa вырезанной чешуи. Там, среди черных пластин, поблескивало что-то еще. Что-то, чего не было, когда Альберт работал с этой частью туши.

Он подошел ближе, вытирая руки о штаны.

Это был камень.

Он лежал прямо в грудной клетке дракона, там, где, наверное, было сердце. Чешуя разошлась вокруг него, словно росла, обтекая что-то инородное, и теперь, когда тело начало разлагаться, камень обнажился, лежа в углублении из почерневшей плоти, как глаз в пустой глазнице.

Альберт опустился на колени.

Камень был небольшим – с мужской кулак, не больше. Форма его была неправильной, овальной, с одной стороны плоской, словно его обточила вода или ветер за тысячи лет. Цвет... Альберт не мог сразу определить цвет. Когда он смотрел прямо, камень казался черным, глубоким, как ночное небо без единой звезды. Но стоило чуть изменить угол взгляда, как внутри него вспыхивали прожилки – багровые, янтарные, золотые, и они пульсировали, двигались, словно камень был живым, и в нем, глубоко под поверхностью, текла расплавленная кровь земли.

– Не трогай, – сказал Лиэн, и голос его прозвучал резко, срываясь на хрип.

Альберт не тронул. Он просто смотрел.

Но камень смотрел в ответ.

Он чувствовал это. Не глазами – всем телом. От камня исходило не тепло и не холод, а что-то третье, чего у Альберта не было слов. Это было похоже на то чувство, когда стоишь на краю пропасти и смотришь вниз, и ветер дует в лицо, и где-то в груди появляется пустота, которая тянет, тянет тебя вперед, обещая не падение, а полет. Или когда ночью, в полной тишине, вдруг осознаешь, что ты не один – что за стеной, за окном, за гранью видимого мира есть что-то огромное, древнее, что дышит в такт с тобой, и от этого дыхания волосы на руках встают дыбом.

– Что это? – спросил Корвин, и голос его был тихим, непривычно тихим.

Лиэн подошел ближе. Он двигался медленно, осторожно, словно каждое движение давалось ему с трудом. Капюшон был откинут, и лицо его, бледное, изможденное, в этот момент казалось высеченным из того же камня, что лежал перед ними.

– Ядро, – сказал он. – Драконье ядро.

– Драконы не носят камней в груди, – возразил Корвин, но в голосе его не было уверенности.

– Этот носил. – Лиэн опустил на корточки, и его руки, тонкие, с длинными пальцами, замерли в дюйме от поверхности камня. Он не касался – просто держал ладони над ним, и Альберт видел, как пальцы Лиэна начинают дрожать, словно их пронизывает ток. – Он не просто носил. Он рос вокруг него. Чешуя, кости, плоть – всё это формировалось вокруг этого камня, как земля формируется вокруг семени, из которого должен вырасти лес.

– Ты хочешь сказать, что дракон вырос из камня? – Корвин мотнул головой, но в его жесте не было отрицания, только попытка осмыслить.

– Дракон вырос благодаря камню, – сказал Лиэн. – Это не просто магия. Это... основа. То, из чего магия рождается. В старых книгах это называют «сердцем мира». Кусочки того, что было до всего. До богов, до людей, до огня и льда.

Альберт слышал слова, но они проходили мимо него, не задерживаясь. Всё его внимание было поглощено камнем. Он смотрел на прожилки, пульсирующие внутри, и чувствовал, как внутри него, там, где жила его искра, начинается

движение. Не дрожь, не вспышка – а медленное, тягучее течение, словно две реки, одна в камне и одна в его груди, почуяли друг друга и потянулись навстречу, сквозь плоть, сквозь расстояние, сквозь само время.

– Лиэн, – сказал Альберт, и голос его прозвучал глухо, как из-под воды. – Я чувствую его.

Лиэн поднял на него глаза. Взгляд мастера поддержки был тяжелым, и в нем читалось то, что Альберт не сразу смог распознать – понимание. И страх. Не перед камнем – перед тем, что камень уже сделал выбор.

– Ты должен взять его, – сказал Лиэн.

– Что? – Корвин вскочил, забыв о сломанной руке, и боль, полоснувшая по лицу, не остановила его. – Ты с ума сошел? Ты сам сказал – это сердце мира! Ты понятия не имеешь, что оно делает, если его коснуться!

– Я знаю, – сказал Лиэн, не отрывая взгляда от Альберта. – Оно или сожжет того, кто не готов, или... примет его. Альберт – единственный здесь, у кого внутри есть огонь. Не тот, что жжет дрова, а тот, что жжет изнутри. Если камень отзовется на кого-то, то на него.

– А если не отзовется? – Корвин шагнул вперед, и в его глазах, обычно колких и насмешливых, сейчас была мольба. – Альберт, не надо. Мы закопаем это здесь. Завалим камнями, уйдем, никому не скажем. Некоторые вещи не для того, чтобы их трогали.

Альберт смотрел на камень.

Он не слышал Корвина. Вернее, слышал, но слова его были как ветер, который шумит в ушах, но не проникает внутрь. Внутри была только тишина. И в этой тишине – зов.

Он не был громким. Он не был настойчивым. Это было как воспоминание о мелодии, которую ты слышал когда-то в детстве и забыл, но тело помнит, и где-то глубоко, на уровне клеток, оно отзывается на каждый звук, каждую паузу, каждое дрожание струны. Альберт не знал, что это за мелодия. Он не знал, откуда она пришла. Но он знал, что если он сейчас отвернется и уйдет, то остаток жизни будет оглядываться через плечо, будет просыпаться по ночам с чувством, что потерял что-то важное, что стояло за ним, ждало, звало, а он не обернулся.

Он протянул руку.

Пальцы его дрожали. Не от страха – от того, что воздух

между его ладонью и камнем стал плотным, густым, словно он опускал руку в воду, но вода эта была невидимой и кипела без огня. Кожа на кончиках пальцев начала покалывать, и это покалывание было не болью, а тем ощущением, когда затекшая рука начинает оживать, и тысячи иголок впиваются в нервные окончания, возвращая тебя к жизни.

– Альберт, – прошептал Корвин, и в этом шепоте было всё: страх, надежда, отчаяние.

Альберт коснулся камня.

Мир остановился.

Это не было метафорой. Он физически, каждой клеткой своего тела почувствовал, как время замедлилось, стало вязким, тягучим, как смола, текущая по стволу дерева. Он видел лицо Корвина, застывшее в крике, который еще не вырвался наружу. Видел Лиэна, чьи глаза расширились, зрачки увеличились, поглотив радужку. Видел муху, зависшую в воздухе над драконьей тушей, и каждое движение ее крыльев было различимо, как медленный танец.

И потом – тишина.

Не та тишина, когда вокруг ни звука. А та, когда звуков

нет вообще. Внутри. В мыслях. В сердце. Все, что составляло Альберта – страхи, надежды, воспоминания, планы, – всё это растворилось, ушло, оставив только чистое, прозрачное пространство, в котором не было ничего, кроме ощущения.

Камень был холодным.

Это было первое, что он осознал. Холодным, но не так, как лед, а так, как глубина океана, куда не проникает солнечный свет, и где вода, сдавливающая со всех сторон, обжигает не жаром, а своим равнодушием к тому, кто в нее погрузился. Холод камня был древним. Он был старше, чем горы, которые высились вокруг этого ущелья. Он был старше, чем земля, на которой они стояли. Он был старше, чем само понятие «старше».

И в этом холоде, глубоко, на самом дне, тлел жар.

Альберт почувствовал его не сразу. Сначала ему казалось, что камень мертв, что его холод – это холод пустоты, конца, того, что было до начала и будет после всего. Но потом, когда его пальцы уже начали неметь, когда он уже почти поверил, что ошибся, из глубины камня, из самого его сердца, пришла волна.

Это было не тепло. Тепло – это то, что греет кожу, что за-

ставляет кровь бежать быстрее. Это было другое. Это было знание. Огромное, всеобъемлющее, невозможное для человеческого разума, но Альберт чувствовал его, впитывал каждой порой, каждой клеткой, каждым вздохом, которого он не делал, потому что в этом месте, в этом мгновении, дыхание было не нужно.

Он видел, как рождаются звезды.

Они вспыхивали в пустоте одна за другой, и свет их был таким ярким, что, казалось, должен ослепить, но он не ослеплял – он проходил сквозь Альберта, сквозь его тело, сквозь его память, и там, где проходил, оставлял следы. Следы, которые он не мог прочесть, но которые чувствовал всем существом.

Он видел, как из хаоса рождается порядок. Как огонь отделяется от воды, как твердь поднимается из бездны, как первые капли дождя падают на раскаленную землю, и шипение этого дождя – миллионы лет, свернутые в один звук, – наполняет его слух, его кости, его душу.

Он видел первых драконов.

Они поднимались из лавы, крылатые, огнедышащие, и в их груди горели камни – такие же, как тот, что лежал сейчас

в его руке. Камни давали им силу, бессмертие, власть над стихиями. Но камни и брали взамен. Забирали всё, что было не-огнем. Забирали способность чувствовать холод, любить тишину, слышать музыку дождя. Драконы становились пламенем, но пламя не помнит, чем оно было до того, как зажглось.

Альберт хотел отнять руку.

Он не мог.

Пальцы приросли к камню, и холод его стал жаром, а жар – болью, и боль эта была не физической. Это была боль утраты. Боль того, кто теряет себя, растворяется в чем-то большем, и не знает, найдет ли обратную дорогу. Он чувствовал, как границы его «я» начинают размываться, как мысли, которые он считал своими, смешиваются с чем-то чужим, древним, нечеловеческим.

Ты пришел, – сказал камень.

У этого не было слов. Это было понимание, чистое, беззвучное, которое возникло в голове Альберта, как возникает знание того, что сейчас ночь или что ветер дует с севера. Просто истина, с которой не спорят.

Я здесь, – ответил Альберт, и он не знал, были ли эти слова его собственными или камень вложил их в него.

Огонь в тебе. Не тот, что я даю. Другой. Маленький. Свой.

Альберт чувствовал, как камень изучает его. Не как человек изучает книгу, листая страницы, а как океан изучает каплю, упавшую в него, – растворяя, вбирая, делая частью себя. И в этом растворении было что-то ужасное и одновременно прекрасное. Ужасное – потому что он боялся исчезнуть. Прекрасное – потому что исчезнуть в чем-то таком огромном, таком полном, таком вечном означало перестать быть маленьким, слабым, смертным.

Я не хочу исчезать, – подумал он, и это была его мысль, самая его, цепляющаяся за существование, как утопающий за соломинку.

Ты не исчезнешь, – ответил камень, и в этом ответе не было утешения, была только правда. Ты слишком мал, чтобы исчезнуть во мне. Я могу сжечь тебя. Могу переписать. Могу сделать из тебя факел, который будет гореть тысячу лет. Но исчезнуть... это не для таких, как ты.

Альберт почувствовал, как что-то внутри него расслабилось. Не потому, что он поверил камню, а потому, что ка-

мень не умел лгать. Ложь требует воображения, желания изменить реальность, сделать ее удобнее. У камня не было воображения. У него была только истина, твердая, как он сам, и холодная, и прекрасная в своей неподвижности.

Он открыл глаза.

Он не помнил, когда их закрыл. Он стоял на коленях в пыли ущелья, и в руке его был камень – теплый теперь, живой, пульсирующий в такт с его сердцем. Пржилки внутри него успокоились, замерли, и цвет его стал глубоким, багрово-черным, как застывшая лава, в которой еще тлеет жар.

Корвин сидел на земле в трех шагах от него, и лицо его было белым, как бумага. Он смотрел на Альберта с ужасом, который медленно, очень медленно, начинал сменяться чем-то другим – может быть, облегчением, может быть, изумлением.

– Ты... – голос Корвина сорвался, и он начал заново. – Ты был в отключении почти час. Мы думали, ты мертв. Ты не дышал. Ты не... – Он замолчал, потому что слова кончились.

Альберт посмотрел на Лиэна.

Мастер поддержки стоял, опираясь на посох, и в глазах

его было то, что Альберт видел у старых монахов в храмах, когда они смотрели на святыни – благоговение. И страх перед благоговением.

– Ты держишь его, – сказал Лиэн, и голос его был тихим, почтительным. – И оно тебя не сожгло.

– Оно сказала, что я слишком мал, чтобы исчезнуть, – ответил Альберт, и эти слова прозвучали странно в утреннем воздухе, слишком простые для того, что он пережил.

Лиэн медленно кивнул.

– Это правда, – сказал он. – Ты слишком мал. Но теперь ты носишь в себе то, что больше тебя. Не потеряйся между.

Альберт посмотрел на камень в своей руке. Он был теплым, удобным, и пальцы сжимали его так, словно он всегда там был. Внутри, в груди, искра его тлела ровно, спокойно, и рядом с ней, совсем рядом, теперь горело что-то другое. Не чужое. Свое. Но такое большое, что он чувствовал себя крошечным, ничтожным, и одновременно – невероятно важным. Потому что этот огромный, древний, всезнающий камень выбрал его. Маленького человека с мечом и огнем внутри, который не умел любить, пока рыжая девушка не влетела в него посреди гильдейского двора.

Он поднялся на ноги. Колени дрожали, но он стоял. Камень он сунул во внутренний карман куртки, туда, где раньше лежало противоядие, и камень лег рядом с сердцем, и сердце забилося чаще, словно приветствуя соседа.

– Что мы скажем в гильдии? – спросил Корвин, и в голосе его была обреченность человека, который знает, что его слова ничего не изменят.

– Ничего, – сказал Альберт. – Мы никому не скажем.

Он посмотрел на ущелье, на остывающее тело дракона, на небо, которое уже успело стать обычным, серым, будничным, словно ничего не произошло. Но он знал. Камень, прижатый к груди, знал. И тишина, которая теперь поселилась внутри Альберта, знала.

Это была не та тишина, когда нечего сказать. Это была тишина, когда всё уже сказано, и слова больше не нужны.

Они пошли вверх, к выходу из ущелья. Альберт шел первым, и в каждом его шаге было что-то новое – тяжесть, которой не было раньше. Или, наоборот, легкость. Он не мог понять. Может быть, и то и другое. Тяжесть камня на груди и легкость от того, что он, наконец, перестал бояться того,

что носит в себе.

Внутри него теперь было два огня. Один – его, маленький, упрямый, выученный. Другой – древний, всеобъемлющий, спящий. И он не знал, что произойдет, когда они оба проснутся. Может быть, они сольются. Может быть, сожгут его. Может быть, сделают тем, кем он никогда не мечтал стать.

Но сейчас, шагая по осыпающемуся склону, чувствуя, как камень бьется в такт сердцу, Альберт не думал о будущем. Он думал о тишине. О той тишине, что была внутри камня, и о той тишине, что наступила в его душе, когда он понял: не всё в этом мире нужно понимать. Некоторые вещи нужно просто принять. Как огонь. Как камень. Как то, что он, возможно, уже не тот, кем был утром.

Он взглянул на свои руки. Они были в крови, в копоты, в драконьей чешуе. Но под всем этим, глубоко под кожей, он чувствовал новый свет. Или, может быть, тот же самый, старый, просто теперь он видел его яснее.

Они выбрались наверх, когда солнце уже клонилось к закату. Альберт остановился на краю ущелья и посмотрел вниз, туда, где осталось тело дракона, и темные лужи его крови, и тишина, которую они нарушили и которая теперь сно-

ва сомкнулась над этим местом, как вода смыкается над уто-
нувшим.

– Прощай, – сказал он тихо, и не знал, кому это сказал –
дракону, камню или той части себя, которую оставил там, в
глубине.

Ветер подул ему в лицо, свежий, чистый, несущий запах
трав и далекого дождя. Альберт глубоко вдохнул, чувствуя,
как камень на груди чуть нагревается, словно отзываясь на
этот ветер, на этот воздух, на эту жизнь.

Он был жив. Он был мал. Он был ничтожен перед тем, что
носил теперь в себе. Но он шел домой. И это было всё, что
имело значение.

Глава 6. Лавка на перекрестке

Они вернулись в город затемно. Эйнара разместили в ла-
зарете гильдии, и лекарь, старый морщинистый человек с ру-
ками, пахнущими миррой и йодом, долго качал головой, гля-
дя на обожженные руки командира. "Будет жить, – сказал он
наконец, – но щит этот теперь только на помин души. Руки
не те". Корвин, услышав это, скривился, словно у него само-
го болело не только плечо, но и что-то внутри, там, где он
прятал свое уважение к Эйнару.

Лиэн ушел к себе, даже не взглянув на Альберта, и это молчание было тяжелее любых слов. Мастер поддержки знал. Он чувствовал камень, хотя Альберт ничего не говорил. И его уход был не пренебрежением – уважением к тому, что теперь жило в груди мечника.

Альберт остался один.

Он вышел из гильдии в пустой двор, и ночной воздух, прохладный и влажный после дневного зноя, коснулся лица, как чужая ладонь. Он стоял посреди брусчатки, смотрел на звезды, которые казались сегодня ярче, крупнее, ближе, и чувствовал, как камень в кармане пульсирует в такт его дыханию. Не горячий, не холодный – ровный, спокойный, как второй пульс, который он теперь носил рядом со своим.

Он хотел пойти к Лире. Хотел увидеть рыжие волосы, почувствовать запах дыма и мяты, услышать ее голос, который всегда выбивал его из привычной колеи. Но ноги не слушались. Или слушались, но вели его не туда. Они повернули налево, мимо ворот гильдии, мимо трактира "Три короны", мимо лавки мясника, которая уже была закрыта, и вывели его на улицу, где он никогда раньше не был.

Он не знал, как оказался здесь.

Вокруг было тихо – не той тишиной, что бывает в спящем городе, а какой-то другой, настороженной. Фонари не горели, луна скрылась за тучами, и единственным источником света был слабый, мерцающий отсвет, падающий из-за поворота. Альберт пошел на этот свет, и ноги его двигались сами, словно камень тянул его вперед, как иглу компаса тянет на север.

За поворотом оказался перекресток.

Две узкие улочки пересекались здесь, образуя маленькую площадь, зажатую между высокими домами с черепичными крышами. Посередине площади, там, где обычно стоял колодец или покосившийся столб с объявлениями, сейчас был припаркован фургон. Большой, темный, с покатым верхом, обтянутым промасленной тканью, и с колесами, которые были выше пояса Альберта. Фургон этот стоял так, словно всегда здесь стоял, хотя Альберт знал, что еще утром площади не было – вернее, площадь была, но фургона на ней не было.

Свет падал из-за полога, которым был завешен вход. Мягкий, маслянистый, он колыхался вместе с тканью, и тени плясали на брусчатке, как языки пламени.

Альберт сделал шаг вперед, и в этот момент полог отки-

нулся.

– Заходи, – сказал голос. Низкий, спокойный, без единой интонации. Голос, который не спрашивал, не приглашал, а констатировал факт: ты здесь, ты пришел, и путь назад уже закрыт.

Альберт вошел.

Внутри фургона было просторнее, чем казалось снаружи. Стены, обитые темной тканью, уходили вверх, теряясь в полумраке, и полки, бесконечные полки, тянулись вдоль них от пола до потолка, заставленные предметами, которые Альберт не мог разглядеть сразу. Слишком много. Слишком странно. Слишком.

Посередине фургона стоял стол – низкий, широкий, покрытый скатертью, расшитой символами, которые двигались, когда Альберт смотрел на них, складываясь в узоры, которые он почти узнавал, но в последний момент ускользали.

За столом сидел человек.

Он был стар. Не той старостью, когда кожа покрывается морщинами, а волосы седеют, а другой – древней, нечелове-

ческой. Его лицо было гладким, как полированный камень, но глаза – глаза были бездонными. Черные зрачки занимали всю радужку, и в них, как в колодцах, отражался свет ламп, которых Альберт не видел. Одет он был в длинный плащ, цвет которого менялся в зависимости от того, как на него падал свет: то черный, то темно-синий, то багровый, как закат.

– Садись, – сказал торговец, и его губы не двигались, но Альберт слышал слова так же ясно, как если бы они были произнесены вслух.

Альберт сел. Он не хотел садиться, но ноги подогнулись сами, и он оказался на низкой скамье напротив торговца, и скамья эта была твердой, холодной, и он чувствовал ее каждой клеткой, хотя на ней не было ни сучка, ни трещины – гладкая, как лед.

– Ты пришел не случайно, – сказал торговец. – Камень привел тебя. Он всегда приводит.

Альберт молчал. Рука его лежала на груди, там, где под курткой пульсировало драконье ядро, и он чувствовал, как оно нагревается, ровно, медленно, словно просыпаясь после долгого сна.

– Покажи, – сказал торговец, и это не было просьбой.

Альберт вытащил камень.

В свете фургона он выглядел иначе, чем в ущелье. Прожилки внутри него засветились – багровые, золотые, оранжевые – и свет этот был живым, он пульсировал, дышал, и стены фургона, казалось, втянули этот свет, отразили его, умножили, так что на мгновение Альберту показалось, что он сидит внутри огромного, бьющегося сердца.

Торговец не протянул руки. Он смотрел на камень, и в его черных глазах, в этих бездонных колодцах, зажглись те же цвета – багровый, золотой, оранжевый. Они кружились там, смешивались, рождали новые оттенки, которые у Альберта не было названий.

– Ядро, – сказал торговец, и в голосе его впервые появилась интонация. Уважение. – Настоящее. Не осколок, не обломок. Целое. Такие редко находят. Обычно они находят того, кто их носит.

– Ты знаешь, что это? – спросил Альберт, и голос его прозвучал хрипло, потому что говорить в этом фургоне было трудно, слова застревали в горле, превращались в камни.

– Знаю, – ответил торговец. – Но это не важно. Важно то,

что ты знаешь. Или узнаешь. Или не узнаешь никогда. Камни не любят, когда их понимают. Они любят, когда их чувствуют. Ты чувствуешь?

– Да, – сказал Альберт, и это была правда. Он чувствовал камень каждой клеткой, каждым вздохом, каждой секундой своего существования.

Торговец кивнул, и в этом кивде было что-то похожее на одобрение, но Альберт не был уверен. Лицо торговца осталось неподвижным, и только глаза – эти черные, бездонные глаза – жили своей жизнью, переливаясь цветами камня.

– Я покажу тебе кое-что, – сказал торговец, и его рука, бледная, с длинными пальцами, на которых не было ногтей, скользнула под стол и вытащила оттуда предмет.

Это была шкатулка.

Небольшая, размером с ладонь, из дерева, которого Альберт не знал. Черного, с прожилками, похожими на те, что были в камне, но застывшими, мертвыми. На крышке был вырезан символ – круг, пересеченный тремя линиями, и линии эти, если смотреть на них достаточно долго, начинали двигаться, складываясь в узор, который вызывал в голове Альберта образы: горы, падающие в море, лес, пожирающий

сам себя, и где-то в центре – огонь. Маленький, упрямый, горящий там, где не должно быть огня.

– Открой, – сказал торговец.

Альберт взял шкатулку. Дерево было теплым, живым, и пальцы его, коснувшись резьбы, почувствовали, как узор вибрирует, как под ними бьется что-то, похожее на пульс. Он поднял крышку.

Внутри, на черном бархате, лежали четыре предмета.

Первый был перстнем. Широкий, массивным, из тусклого серебра, с камнем, который был чернее ночи, и в этом камне, если взглядеться, двигалась тень. Не свет, как в драконьем ядре, а тень – густая, плотная, живая. Она сворачивалась и разворачивалась, принимала формы, которые Альберт не хотел узнавать.

Второй был зеркальцем. Маленьким, в оправе из слоновой кости, с ручкой, на которой были вырезаны цветы, такие тонкие, что, казалось, они вот-вот осыплются. Зеркальце было повернуто вниз, и Альберт не видел отражения, но чувствовал, что там, за стеклом, кто-то есть. Кто-то, кто смотрит на него с той стороны, и дыхание этого "кого-то" было холодным, и этот холод касался щеки Альберта, хотя расто-

яние между ним и зеркальцем было больше локтя.

Третий был ножом. Коротким, изогнутым, с лезвием, на котором не было ни царапины, хотя казалось, что оно видело сотни битв. Рукоять была обмотана кожаным шнуром, и шнур этот был темным от старой крови, которая не смывалась, потому что стала частью оружия. Нож лежал неподвижно, но Альберт видел, как лезвие дышит – сужается и расширяется, как зрачок на свету, и этот ритм был знакомым, похожим на его собственное дыхание.

И четвертый.

Четвертый был свитком. Свернутым в трубку, перевязанным черной лентой, и лента эта была запечатана воском, и на воске стояла печать, которую Альберт не мог разглядеть, потому что каждый раз, когда он пытался сфокусироваться на ней, она менялась, превращаясь в другую, потом в третью, потом в ту, которую он видел где-то во сне, но не мог вспомнить.

– Выбери один, – сказал торговец.

Альберт не спросил "зачем". Он не спросил "почему". В этом фургоне, в этой тишине, под этим светом, который не имел источника, вопросы были лишними. Они были слова-

ми, а слова здесь были тяжелыми, ненужными, как камни, которые тащишь за собой, когда можно идти налегке.

Он смотрел на предметы, и каждый из них говорил с ним на своем языке.

Перстень говорил языком власти. Он обещал, что тот, кто наденет его, сможет повелевать тенями, проходить сквозь стены, видеть то, что скрыто от глаз живых. Но за эту власть нужно было платить. Тень, живущая в камне, хотела не просто пальца, на котором будет сидеть, – она хотела руки, плеча, сердца. Она хотела занять место, которое сейчас занимал огонь, и Альберт чувствовал, как его искра, его маленький, упрямый огонь, сжимается, сворачивается в комок, чувствуя рядом эту тьму, которая тянулась к нему, как голодный зверь.

Зеркальце говорило языком тайн. Оно показывало то, что было, то, что будет, и то, что могло бы быть, если бы выбор был сделан иначе. Альберт чувствовал, что если он посмотрит в него, то увидит Лиру. Увидит ее прошлое, которое она скрывает за смехом и дерзостью. Увидит свое будущее, в котором она есть – или в котором ее нет. Увидит тысячи дорог, которые расходятся от этого мгновения, и каждая дорога будет звать его, каждая будет казаться правильной, и он сойдет с ума, пытаясь выбрать ту, единственную, которая приведет

его туда, куда нужно.

Нож говорил языком смерти. Он был простым, честным, без обмана. Он не обещал власти, не сулил тайн. Он просто говорил: "Я режу. Я убиваю. Я делаю это лучше, чем любое другое лезвие. Возьми меня, и твой меч станет вторым, а я – первым". И в этом было что-то притягательное – в этой честности, в этом отсутствии прикрас. Нож не врал. Он был тем, чем был, и Альберт уважал это. Но внутри него, там, где лежал камень, что-то шевельнулось, когда он смотрел на лезвие, и это "что-то" сказала: "Не надо. Этот путь уже пройден. Дракон выбрал нож. Посмотри, где он теперь".

И свиток.

Свиток молчал.

Он не обещал ничего. Он не звал, не манил, не предупреждал. Он просто лежал, свернутый, запечатанный, и ждал. И в этом ожидании было что-то такое, что заставило Альберта задержать на нем взгляд дольше, чем на остальных.

– Что там? – спросил он, и голос его был тихим, как шепот в храме.

– Знание, – сказал торговец. – Чистое. Без формы, без

применения, без пользы. Просто знание о том, что есть. О том, что было. О том, что будет, если ничего не менять. Оно не сделает тебя сильнее. Оно не защитит тебя в бою. Оно не вылечит твои раны. Оно просто будет. С тобой. В тебе. Как второй скелет, который ты носишь под кожей, и который ты не можешь сбросить, потому что он стал частью тебя.

– Зачем мне это? – спросил Альберт.

Торговец посмотрел на него. В черных глазах, в этих бездонных колодцах, что-то изменилось – может быть, появилась искра, может быть, тень, может быть, что-то, что Альберт не мог назвать, потому что не знал таких слов.

– Зачем тебе камень? – спросил торговец в ответ. – Ты мог его бросить. Мог оставить в ущелье. Мог закопать, завалить камнями, уйти, забыть. Но ты не бросил. Ты взял. Ты принес. Ты сидишь здесь, с ним на груди, и спрашиваешь меня, зачем тебе знание. Зачем тебе камень, Альберт? Зачем тебе огонь, который ты носишь внутри? Зачем тебе меч, который ты учился держать, когда другие дети учились читать?

Альберт молчал. Он не знал ответов. Или знал, но не мог их сказать, потому что ответы были не в словах, а в чем-то другом – в том, как он вставал затемно, чтобы водить клинком, пока руки не начинали трястись; в том, как он учился

сдерживать огонь, когда тот рвался наружу, сжигая все, что было рядом; в том, как он взял камень, зная, что это может убить его.

– Я не знаю, – сказал он наконец. – Я просто... не могу не брать.

Торговец улыбнулся. Это была первая эмоция на его лице, и улыбка эта была странной – не радостной, не печальной, а какой-то древней, как трещина на скале, которая образовалась тысячу лет назад и теперь смотрит на мир, зная, что он изменится тысячу раз, пока она останется прежней.

– Возьми свиток, – сказал торговец. – Перстень сломает тебя. Зеркальце заставит сомневаться. Нож сделает тебя убийцей, а не воином. А свиток... свиток просто даст тебе знать. И когда придет время выбирать между огнем и тьмой, между жизнью и смертью, между ней и всем остальным, ты хотя бы будешь знать, что выбираешь.

Альберт протянул руку.

Пальцы его коснулись свитка, и в этот момент он почувствовал, как камень на его груди нагрелся – не ровно, как раньше, а рывком, словно испугался, словно захотел предупредить, остановить. Но Альберт уже взял свиток, и лента на

нем развязалась сама, и восковая печать треснула, и сухой, древний запах ударил в ноздри – запах времени, запах пыли, запах того, что хранилось слишком долго и наконец нашло того, кому предназначено.

Он не разворачивал свиток. Он просто держал его в руке, и чувствовал, как свиток пульсирует, как живое, и как знания – тысячи, миллионы, бесконечные знания – текут сквозь пергамент в его пальцы, в его руку, в его сердце, и там, рядом с камнем и искрой, занимают свое место, укладываются, как камни в фундаменте, тихие, тяжелые, незыблемые.

– Запомни, – сказал торговец, и голос его стал тише, дальше, словно он уже уходил, хотя сидел на том же месте. – Знание – это не сила. Сила – это то, что ты делаешь со знанием. Можно знать, как разжечь огонь, и сгореть в нем. Можно знать, как строить мосты, и никогда не перейти на другой берег. Можно знать, как любить, и умереть в одиночестве. Знание – это просто карта. Дорогу выбираешь ты.

– А если я выберу не ту? – спросил Альберт.

Торговец посмотрел на него, и в его черных глазах, в этих бездонных колодцах, Альберт увидел отражение самого себя – маленького, с мечом на поясе, с камнем на груди, со свитком в руке. И это отражение было спокойным. Спокойнее,

чем он чувствовал себя на самом деле.

– Не бывает не тех дорог, – сказал торговец. – Бывают дороги, которые ведут туда, куда ты не хотел прийти. Но ты все равно приходишь. И узнаешь что-то новое. О мире. О себе. О том, чего ты хочешь на самом деле. И потом идешь дальше. Или не идешь. Это тоже выбор.

Фургон качнулся.

Слабо, едва заметно, но Альберт почувствовал, как пол под ногами дрогнул, как стены сдвинулись, как свет, который не имел источника, начал меркнуть, и тени сгустились, стали плотными, почти осязаемыми.

– Пора, – сказал торговец, и его фигура начала расплываться, таять, как утренний туман над рекой. – Камень поведет тебя. Слушай его. Но не забывай слушать себя. Они разные. Камень знает все, что было. Ты знаешь, что должно быть. Не перепутай.

– Постой, – Альберт подался вперед, но скамья, на которой он сидел, исчезла, и он оказался стоящим на брусчатке, под открытым небом, на пустом перекрестке, где не было ни фургона, ни стола, ни торговца с черными глазами.

Только свиток в его руке.

Он был настоящим. Теплым, тяжелым, с разорванной лентой и треснувшей печатью. Альберт поднес его к лицу, и запах времени, запах пыли, запах того, что хранилось слишком долго, коснулся его ноздрей, и в этом запахе он почувствовал что-то знакомое. Может быть, ущелье, где лежал дракон. Может быть, руку Лиры, которая пахла дымом и мятой. Может быть, свое детство, когда он впервые взял в руки меч и понял, что это – его, навсегда, до конца.

Он сунул свиток во внутренний карман куртки, рядом с камнем.

И в этот момент, когда два предмета коснулись друг друга, Альберт почувствовал, как мир вокруг него изменился. Не стало темно. Не стало страшно. Просто все стало глубже. Каждая тень обрела вес, каждый звук – смысл, каждый камень под ногами – историю. Он слышал, как дышит город, как стонут старые стены, как где-то в подвалах, глубоко под землей, течет вода, которая помнит времена, когда на этом месте не было ничего, кроме леса и ветра.

Он стоял на перекрестке, один, под небом, которое медленно светлело, и чувствовал, как внутри него, там, где тлела искра, где пульсировал камень, где теперь лежал свиток,

что-то складывается в единое целое. Не сливается – нет, они оставались разными, чужими друг другу, но они были рядом, и этого было достаточно.

Альберт посмотрел на свои руки. Они были пустыми, но он знал, что это не так. Он никогда больше не будет пустым. Слишком много теперь жило в нем, под его кожей, в его груди, в его сердце.

Он пошел прочь с перекрестка, и шаги его были твердыми, уверенными. Он не знал, куда идет. Но знал, что камень, свиток и искра – три голоса внутри него – приведут его туда, где он должен быть.

Или не приведут.

Но он шел.

Потому что это было единственное, что он умел делать с тех пор, как взял в руки меч. Идти. Дышать. Драться. И ждать рассвета, который всегда наступал, даже после самой темной ночи.

Где-то далеко, за крышами домов, начинало розоветь небо. Альберт свернул в знакомый переулок, и ноги его, наконец, повели его туда, куда он хотел прийти с самого начала.

К лавке с облупившейся вывеской, где на подоконнике, свесив ноги, сидела рыжая девушка и смотрела на светлеющее небо. Она ждала. И он пришел.

Глава 7. Карта, что пахнет морем

Он нашел ее на привычном месте.

Лира сидела на подоконнике распахнутого окна, и ее босые ноги, с вымазанными в чем-то зеленым пальцами, мерно покачивались в такт какой-то мелодии, которую она напевала себе под нос. Голос ее был тихим, чуть хрипловатым, и ноты, срывавшиеся с губ, дрожали в утреннем воздухе, как пух одуванчика, прежде чем упасть на землю. Она не обернулась, когда он подошел, но покачивание ног замедлилось, и пальцы ее, лежавшие на подоконнике, чуть сжались, впиваясь ногтями в разохшееся дерево.

Альберт остановился в трех шагах.

Он смотрел на нее, и впервые за эту бесконечную ночь, полную драконьей крови, камня, говорящего без слов, и торговца с черными глазами, его дыхание стало ровным. В груди, там, где теперь жило трое – искра, камень и свернутый свиток, – что-то успокоилось, перестало метаться, и он

почувствовал, как его плечи опускаются, как разжимаются пальцы, которые он не замечал сжатыми в кулаки с того самого момента, как коснулся драконьего ядра.

– Ты вернулся, – сказала Лира, не оборачиваясь.

Голос ее был спокойным, но Альберт слышал в нем то, что она пыталась скрыть. Легкую дрожь в конце слова. Слишком быстрый вдох перед тем, как она заговорила. И то, как ее пальцы, лежавшие на подоконнике, вдруг перестали сжиматься и разжиматься, замерли, прижавшись к дереву, словно она боялась, что если отпустит – упадет.

– Вернулся, – сказал он.

Он сделал шаг вперед, и Лира наконец повернулась. Волосы ее, распущенные, рыжие, с золотыми прожилками там, где в них ударил первый луч солнца, качнулись, и прядь упала на лицо, закрывая левый глаз. Она не убрала ее. Просто смотрела на него сквозь этот огненный занавес, и в ее зеленых глазах, в этих глазах, в которых всегда горели чертики и смех, сейчас было что-то другое.

Что-то, от чего у Альберта перехватило дыхание.

Она была бледной. Не той бледностью, когда человек бо-

ится или устал, а той, когда человек не спал всю ночь и каждую минуту этой ночи провел, вглядываясь в темноту, прислушиваясь к шагам, которые не приходили. Под глазами залегли тени – синие, глубокие, как ущелья, и губы, обычно яркие, насмешливые, сейчас были бледными, чуть припухшими, словно она кусала их, чтобы не заплакать.

– Ты не пришел вчера, – сказала Лира, и в голосе ее не было упрека. Только констатация. И в этой констатации – боль, которую она не пыталась скрыть, потому что не умела, или потому что не хотела.

– Я не мог, – ответил Альберт, и слова эти были слишком маленькими для того, что он хотел сказать. Слишком плоскими, слишком пустыми. Он шагнул еще ближе, и теперь разделявшее их расстояние можно было измерить одним вытянутым локтем. – Там был дракон. Настоящий. Не гарпии, не гоблины. Гильдия ошиблась.

Он ждал, что она удивится, или испугается, или начнет задавать вопросы, как делала всегда, когда он возвращался с заданий. Но Лира молчала. Она смотрела на него, и взгляд ее скользил по его лицу, по шее, по плечам, и он чувствовал этот взгляд кожей, каждой царапиной, каждым синяком, которые он получил в ущелье.

– Ты изменился, – сказала она наконец, и голос ее стал тише, почти шепотом.

– Я взял камень, – сказал Альберт, и рука его сама поднялась к груди, туда, где под курткой, прижатый к сердцу, лежал свиток и пульсировало драконье ядро. – У дракона. В груди. Он был там. Я взял его.

Он не знал, зачем говорит это. Не знал, почему не может смолчать, почему каждое слово вырывается из него, тяжелое, неловкое, но правдивое. С ней он не умел лгать. Не умел скрывать. С ней он был просто Альбертом, мечником с огнем внутри, который однажды взял в руки камень, который не должен был брать.

Лири прыгнула с подоконника.

Это движение было таким быстрым, таким естественным, что Альберт не успел ни отшатнуться, ни протянуть руку. Она просто оказалась перед ним, и ее ладони, горячие, сухие, с мозолями на пальцах от работы с травами, легли ему на грудь. Левая легла точно туда, где под курткой пульсировал камень. Правая – чуть выше, туда, где билось его сердце.

Она стояла так, и он стоял, и тишина между ними была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать. Аль-

Берт чувствовал ее дыхание на своей шее – теплое, прерывистое, с запахом мяты и меда. Чувствовал, как дрожат ее пальцы, лежащие на его груди, и эта дрожь передавалась ему, проходила сквозь куртку, сквозь рубашку, сквозь кожу, добираясь до самого сердца, и сердце его, обычно спокойное, даже в бою, начинало биться чаще, сбиваясь с ритма.

– Ты дрожишь, – сказал он, и его голос прозвучал хрипло, потому что говорить, когда она так близко, было трудно.

– Я боялась, – ответила Лира, и в голосе ее не было ничего от той дерзкой бестии, что сбила его с ног посреди гильдейского двора. Только правда. Голая, неприкрытая, как рана. – Всю ночь. Сидела здесь, смотрела на ворота. Каждый раз, когда кто-то входил, сердце останавливалось. А потом снова билось. И так сотню раз. Тысячу. Я не знаю.

Пальцы ее сжались сильнее, и Альберт почувствовал, как камень под ее левой ладонью нагрелся, отозвался на ее прикосновение, и этот жар прошел сквозь него, разливаясь по груди, по плечам, по рукам, до самых кончиков пальцев.

– Лира, – начал он, и хотел сказать что-то важное, что-то, что объяснило бы все: почему он взял камень, почему не пришел вчера, почему сейчас стоит здесь, с ее ладонями на своей груди, и чувствует, что мир, который был черно-бе-

лым, вдруг стал цветным, что воздух, которым он дышит, стал сладким, и что он, человек, который всегда все контролировал, сейчас не контролирует ничего.

Но она не дала ему сказать.

Она убрала руки.

Это движение было медленным, почти неохотным, словно пальцам не хотелось отрываться от его груди, и каждый миллиметр этого отрыва Альберт чувствовал как потерю. Сначала ладони оторвались от ткани, и холодный утренний воздух коснулся тех мест, которые только что были горячими. Потом пальцы, задержавшиеся на секунду, скользнули вниз, и на мгновение, всего на мгновение, кончики ее пальцев коснулись его запястья, и там, где они коснулись, кожа загорелась, вспыхнула, и искра внутри него, его маленький, упрямый огонь, рванулась к этому месту, к этому теплу, к ней.

– Идем, – сказала Лира, и в голосе ее снова появилась та интонация – командирская, решительная, которая не терпела возражений. Но под этой интонацией, глубоко, там, где она думала, что он не слышит, все еще дрожала та нотка, от которой у него сжималось сердце. – Я хочу тебе кое-что показать.

Она развернулась и пошла в глубь лавки, и Альберт последовал за ней, потому что не мог не последовать. Он всегда следовал за ней, с первой их встречи, когда она тащила его за руку через весь город в эту самую лавку, и он, взрослый мужчина, мечник, убивавший драконов, шел за ней, как за светом в темноте.

Внутри лавки было темно. Лира не зажигала ламп, и единственным источником света было окно, в которое уже всюду лился розовый утренний свет. Он падал на полки, на банки, на склянки, и те отбрасывали длинные, косые тени, которые тянулись через всю комнату, пересекались, переплетались, создавая на полу узор, похожий на паутину.

Лира прошла к дальнему стеллажу – тому, что стоял в углу, где всегда было темнее всего, и Альберт никогда раньше не видел, чтобы она к нему подходила. Теперь она подошла, и ее пальцы, ловкие, привыкшие к работе с мелкими предметами, скользнули между двумя банками, нащупали что-то, и с легким щелчком отодвинули часть стеллажа.

Стеллаж отъехал в сторону.

Альберт замер.

За стеллажом оказалась ниша. Небольшая, выложенная

темным камнем, с низким сводом, который заставлял его инстинктивно пригнуть голову, хотя он и не собирался туда заходить. В нише, на деревянной подставке, покрытой выцветшим бархатом, лежала шкатулка.

Она была старой. Это было видно сразу – по потемневшему дереву, по стертým углам, по замочку, который, казалось, проржавел насквозь, но все еще держал крышку закрытой. На крышке был вырезан герб – Альберт не узнал его, но взгляделся, и пальцы его, лежавшие на рукояти меча, дернулись, когда он понял, что герб этот – не просто украшение. Он был похож на те, что вырезали на надгробиях старых королей, в усыпальницах, которые он видел однажды, когда сопровождал караван через Мертвые Земли.

– Что это? – спросил он, и голос его прозвучал глухо в утренней тишине.

Ли́ра не ответила. Она протянула руку к шкатулке, и Альберт увидел, как ее пальцы дрожат. Не сильно, едва заметно, но он видел. Он всегда видел, когда она дрожала, даже когда она улыбалась и смеялась и делала вид, что ничего не происходит.

Она взяла шкатулку обеими руками. Движение было медленным, почти торжественным, и в нем было что-то от того,

как священники поднимают дары перед алтарем. Шкатулка была тяжелой – он видел, как напряглись мышцы на ее предплечьях, как побелели костяшки пальцев, сжимавшие дерево.

Она поставила шкатулку на стол – тот самый, где они ели подгоревший пирог, где пили чай с корицей, где она смеялась и говорила, что ее секреты лежат под кроватью в старом ларце. Теперь секрет был здесь, перед ними, и Альберт чувствовал, как камень на его груди нагревается, как свиток в кармане начинает пульсировать, и как искра внутри него, его искра, которая всегда была спокойной, ровной, начинает метаться, как зверь в клетке.

– Я никогда никому это не показывала, – сказала Лира, и голос ее был тихим, очень тихим, словно она боялась, что стены услышат. – Даже Лиэну. Особенно Лиэну.

Она коснулась замка.

Пальцы ее, дрожащие, легли на ржавый металл, и Альберт видел, как она задержала дыхание, как грудная клетка ее перестала подниматься, и как на секунду, на одну долгую, бесконечную секунду, время остановилось.

Замок щелкнул.

Это был сухой, резкий звук, похожий на треск сломанной кости, и в тишине лавки он прозвучал как выстрел. Лира вздрогнула, но не отшатнулась. Она подняла крышку.

Внутри, на черном бархате, лежала карта.

Она была свернута в трубку, и пергамент, на котором она была начерчена, был старым – таким старым, что, казалось, рассыплется в прах от одного прикосновения. Края его обгорели, и в некоторых местах огонь прожег дыры, открывая темный бархат, на котором лежала карта. Но то, что осталось, было... Альберт не знал, как это назвать.

Линии на карте двигались.

Сначала он подумал, что ему показалось, что это игра света, утреннего, розового, падающего из окна и искажающего формы. Но нет. Линии двигались. Медленно, плавно, как реки, текущие к морю. Они изгибались, пересекались, расходились, и там, где они сходились, вспыхивали точки – золотые, красные, синие, и каждая точка горела своим светом, пульсировала, дышала, и Альберт чувствовал, как камень в его груди отзывается на каждую из них, как сердце его начинает биться в такт этим пульсациям, как свиток в кармане нагревается, словно хочет присоединиться к этому разгово-

ру.

– Что это? – спросил он снова, и в этот раз голос его был хриплым, потому что говорить, когда перед тобой движется живая карта, было так же трудно, как говорить во сне.

– Сокровище, – сказала Лира, и в голосе ее не было радости. Не было азарта, который всегда звучал в ее словах, когда она говорила о своих делах. Только тяжесть. Только усталость. – Карта, которая ведет к сокровищу. Мой отец нашел ее, когда я была ребенком. Он искал это сокровище всю жизнь. И не нашел.

Она замолчала, и в молчании этом было столько всего, что Альберт не мог разобрать. Слишком много слоев, слишком много боли, слишком много лет, которые она прожила с этой картой, спрятанной за стеллажом, в нише, выложенной темным камнем.

– Что случилось с твоим отцом? – спросил он, и вопрос этот был тяжелым, он знал, но он должен был его задать, потому что она смотрела на карту так, как смотрят на могилу.

– Он ушел, – сказала Лира, и пальцы ее, лежавшие на краю шкапулки, сжались так, что ногти впились в дерево. – Он ушел за этим. За точкой, которая горит золотом. Видишь? –

Она указала на карту, и ее палец, тонкий, с обкусанным ногтем, замер над одной из пульсирующих точек. – Он говорил, что там – сила. Настоящая. Та, которая может все изменить. Он говорил, что найдет ее и вернется, и мы будем жить в доме с садом, и я не буду спать на полу в лавке, и у меня будет платье, настоящее, шелковое, с кружевами.

Она усмехнулась, но усмешка эта была кривой, горькой, и Альберт увидел, как ее губы дрогнули, как она сжала их, чтобы они не дрожали, и как в уголках глаз, в этих зеленых, золотистых глазах, блеснуло что-то, что она пыталась удержать, но не могла.

– Он не вернулся, – сказала она. – Это было пятнадцать лет назад. Я ждала. Сначала каждый день. Потом каждый месяц. Потом только в его день рождения. А потом я перестала ждать. Я спрятала карту и сказала себе, что она умрет вместе с ним. Но она не умерла. Она лежала там, за стеллажом, и каждую ночь я чувствовала, как она зовет. Как она говорит: "Иди. Найди. Стань сильной. Стань богатой. Стань той, кого нельзя бросить".

Она замолчала, и тишина в лавке стала такой плотной, что Альберт слышал, как бьется ее сердце. Не ухом – всем телом. Как камень на его груди слышал. Как свиток в кармане. Как искра внутри, которая вдруг перестала метаться и замерла,

слушая.

– Я не хочу это сокровище, – сказала Лира, и голос ее стал твердым, как сталь. – Я никогда не хотела. Я хотела, чтобы он вернулся. Чтобы он выбрал меня, а не карту. Но он не выбрал.

Она подняла глаза на Альберта, и в этот момент, в этом взгляде, было все, что она не говорила все эти дни, все эти недели, все эти годы. Боль от того, что ее оставили. Злость на того, кого уже нет. И страх. Тот самый страх, который она прятала за смехом, за дерзостью, за флакончиками и травяными настоями. Страх, что и он уйдет. Что и он выберет карту, или камень, или меч, или что-то еще, что окажется важнее, чем она.

– Я показала тебе это, – сказала она, и голос ее дрогнул, и она не стала это скрывать, – потому что камень в твоей груди... он похож на эту карту. Я чувствую его. Он зовет. Так же, как звала карта. И я боюсь, что ты уйдешь за ним, как ушел отец.

Альберт не ответил словами.

Он сделал шаг.

Один шаг, и расстояние между ними, которое было целым миром, сжалось до ладони. Он поднял руку. Медленно, очень медленно, давая ей время отшатнуться, если она захочет. Но она не отшатнулась. Она стояла, глядя на него, и в ее глазах, в этих зеленых, золотистых глазах, страх боролся с чем-то другим, что было сильнее страха.

Его пальцы коснулись ее лица.

Кожа ее была горячей, и эта теплота, когда он коснулся ее щеки, прошла через его пальцы, через кисть, через руку, через плечо, прямо к сердцу, и сердце его, обычно спокойное, сделало кульбит, от которого перехватило дыхание. Она не отодвинулась. Она замерла, и ее ресницы, длинные, рыжие, дрогнули, и губы, бледные, припухшие, чуть приоткрылись, и он видел, как она дышит – быстро, неровно, и как под тонкой кожей на шее бьется пульс, частый, как у птицы, попавшей в клетку.

– Я не уйду, – сказал он, и слова эти были простыми, слишком простыми для того, что он чувствовал, но других у него не было. Он умел говорить мечом. Он умел говорить огнем. Он учился говорить камнем, который молчал тысячелетия. Но говорить с ней, говорить так, чтобы она поняла, что он не уйдет, – это было труднее всего.

Он провел большим пальцем по ее скуле, и его палец, шершавый, в мозолях, в старых шрамах от клинка, скользнул по ее коже, гладкой, теплой, живой. Она вздрогнула, и его пальцы почувствовали эту дрожь, и в ответ его искра, та, что жила в нем с детства, рванулась к месту прикосновения, и там, где его палец касался ее щеки, воздух нагрелся, стал плотным, и он увидел, как ее зрачки расширились, как она втянула воздух, глубоко, жадно, словно он был водой после долгой засухи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.